

Загадка военного дневника лета 1941 года: кто автор?

© Перевод с немецкого Сергея Вершинина, 2019

Предисловие переводчика

Дневник офицера РККА из состава 627-го артиллерийского полка 180-й стрелковой дивизии в августе 1941 года попал в руки немцев и был переведен на немецкий язык. В конце войны бумаги 10-го армейского корпуса Вермахта, среди которых был и этот перевод, были захвачены американцами и вывезены за океан. В 2000-е в виде цифровых копий с микрофильмов Национального архива и управления документации США немецкий перевод дневника неизвестного офицера-артиллериста вернулся в Россию.

Обратный перевод на язык оригинала неминуемо связан с искажениями, и все же, испытывая уважение к тому сложному пути, который проделал этот документ, я взялся за эту работу, чтобы сделать источник доступным тем, кто не владеет немецким. У нас так мало источников по лету 1941 года, созданных самими участниками событий. Тем более, дневников, которые всегда про «здесь и сейчас», в чем их главное отличие от пропущенных через призму опыта воспоминаний, когда автор уже знает, «чем все закончилось».

Мы не знаем имени автора, не знаем и его судьбы. Можно только предполагать, при каких обстоятельствах дневник попал к немцам. Заголовок немецкого текста явно сделан переводчиком, гадавшим – офицер или комиссар. Слова «найденного у Парфино», позволяют заключить, что дневник мог быть потерян во время боя. Будь документ обнаружен в вещах убитого или, тем более, плененного офицера, его имя наверняка было бы зафиксировано. В тексте дневника есть «зацепки», которые позволят выйти на имя автора. Так, в записи от 6 июля автор, вероятно, цитирует собственный приказ, подписываясь ст. лейтенантом. Известно и имя его жены – Аннета (Анна?).

Надеюсь, что перевод дневника поможет в установлении судеб упоминавшихся в нем бойцов и командиров РККА.

На титульной странице публикации немецкая фотография Старой Руссы с кафедральным собором Воскресения Христова, стоящим у места слияния Полисти и Порусья. Дата съемки – вероятно, весна 1942 года. В записях за первую половину августа автор описал бои 180-й стрелковой дивизии под Старой Руссой.

Публикацию моего перевода я дополнил текстом «оригинала» на немецком. Верю, что когда-нибудь удастся установить имя этого человека. Мне бы очень этого хотелось.

Сергей Вершинин, 2019

**Перевод¹ дневника русского офицера или комиссара из 627-го
артиллерийского полка 180-й стрелковой дивизии, найденного у
Парфино на реке Ловать**

26 июня 1941 года

Около об.16 в юго-восточном направлении ушел первый транспорт со станции Килтси в Эстонии. Этим эшелоном уехали: 1-й дивизион, народный комиссар транспорта ², командир 1-го дивизиона майор Кивиляли, комиссар-политрук Сенков ³, (инспектор по пропаганде). Остальные подразделения, 2-й и 3-й дивизионы, а также штаб остались в Клейн-Мариен в ожидании второго эшелона, который должен был уйти 29 июня.

Весь день 27 июня 1941 г. ушел на приготовления к отправлению. В 12.00 меня вызвали в Тапс, в штаб 180-й дивизии. До нас был доведен штатный состав военного времени, и всю ночь в соответствии с предписаниями мы занимались распределением подразделений.

29 июня 1941 года

Около 19.00 последний вагон с имуществом и женами командного состава штаба покинул станцию Килтси. В пассажирском вагоне удалось разместить только жён Юрко⁴, Чурюмова, Сенкова и Маркова. Остальным пришлось целую ночь прождать на перроне. На погрузку второго эшелона ушла вся ночь с 29 на 30 июня. Были погружены: 12000 артиллерийских снарядов, 8 самоходных орудий, 400 солдат и около 300 лошадей.

30 июня 1941 г. около 12.00 состав № 35/3280 покинул станцию Килтси. Две остававшиеся на станции жены также уехали этим составом. По отправлении эшелона был захвачен дезертир – кавалерийский инструктор Пан. В ночь с 30 июня на 1 июля дезертировали еще 9 человек: младший лейтенант Рёдигерс, старшина ветеринарной службы Сарастик⁵, младший сержант Варанг, ефрейтор Микивер, ефрейтор Оттокар и рядовые Таль, Сиим (Слим?), Виск, ефрейтор Каупмеес. По Сарастик и другим, выпрыгнувшим на ходу из поезда, открыли огонь. Два дезертира, скорее всего, были застрелены.

¹ Заголовок немецкого перевода дневника (здесь и далее прим. переводчика).

² Вероятно, переводчик на немецкий ошибся. Возможно, имеется в виду народный комиссар путей сообщения.

³ Варианты транскрипции – Сеньков, Зенков, Зеньков.

⁴ Вероятно, правильная фамилия Юрков.

⁵ Вариант транскрипции – Зарастик.

Около 14.00 состав прибыл в Гатчину. Погода весь день была прохладной, шел дождь. В пути обошлось без происшествий. Пока добирались до Гатчины, израсходовали весь фураж для лошадей, и на остановках нужно было собирать траву. В Гатчине нам выдали овса. Уже третий час стоим на станции в ожидании дальнейшей отправки.

Всего в Гатчине простояли около восьми часов. Продолжительное время провели также на станции Павловск. В Новгород не заехали. В 14.00 2 июля 1941 г. покинули Павловск и отправились в сторону Старой Руссы. Весь день 2 июля просидели без воды и горячей пищи. Горячую пищу получили лишь около 19.00 на станции Дно. Наш маршрут на Порхов не претерпел изменений.

3 июля 1941 года

В 20.00 нам передали письменный приказ следовать грузовым составом вместе с грузом противотанковых мин в направлении Орджоникидзеграда. В 24.00 началась погрузка.

3 июля в 11.00 состав № 35/3280 прибыл в Порхов, разгрузка началась в 12.00. В 13.30 разгрузка была окончена, а в 14.00 2-й дивизион направлен маршем в направлении фронта с задачей выйти к лесу в 800 м к югу от Бросово. К 3.30 дивизион вышел на позицию и занял ее.

4 июля 1941 года, д. Бросово

Ясное утро. Все вокруг зеленеет. Задолго до рассвета затягивают свои радостные песни лесные птицы. Место неплохое, лишь тучи комаров своим вечным жужжанием способны вывести любого из состояния спокойствия.

В 10.00 дал указания капитану Каласте, начальнику штаба 2-го дивизиона, относительно расположения батарей, организации караулов, маскировки и несения службы.

В 11.30 обсуждал с офицерами штаба обращенную ко всему народу речь товарища Сталина о защите Отечества, а также наши обязанности и задачи в период этой борьбы. Пока не можем приступить к регулярной боевой подготовке из-за отсутствия 1-го дивизиона и некоторых подразделений 3-го дивизиона. В штабе тоже разлад. Нужно приложить усилия, чтобы спаять его воедино перед предстоящими боями.

В 14.00 военный комиссар убыл в Порхов в дивизию (30 км). Грузовики подвозят продовольствие и фураж. Отдал приказ - каждой батарее иметь по два мотка колючей проволоки.

5 июля 1941 года

В 9.30 прибыл командир дивизионной артиллерии.

6 июля 1941 года

Полк силами 2-го дивизиона начал передвижение, чтобы занять боевые позиции на участке Каменка – Киселево (приблизительно в 22 км от Бросово). Дороги плохи – узкие и ухабистые. В пути был поврежден штабной автомобиль – наехал глушителем на камень. Кое-как прикрутили проволокой отвалившуюся деталь. Машина снова могла двигаться, однако двигатель стал издавать громкий гул, а едкий дым разъедал глаза. Вдруг двигатель загорелся, возникла опасность взрыва. С помощью травы удалось потушить огонь, пока он не добрался до внутренних частей двигателя. Мы были вынуждены бросить машину и двигаться дальше сначала на велосипедах, а потом на лошадях.

В Катенке (Katenka) и прилегавших к ней селениях была организована оборона силами членов коммунистической партии. 3-й дивизион без своих моторизованных подразделений сумел кое-как окопаться. Молодых солдат пришлось обучать правилам маскировки.

С 7-го на 8-е июля начался первый бой у Махновочки, где противник сосредоточил около 25 бронированных машин и стрелков-мотоциклистов. Наши роты «дезертировали» (если так можно выразиться) и предоставили решить исход боя 6-й батарее. В результате батарея под безупречным по точности огнем противника, потеряв два орудия и большое количество личного состава, была вынуждена отступить.

Противник прорвался в направлении Сорокино. 9 июля около 24.00 был взят в плен немецкий обер-ефрейтор, которого, разумеется, накормили досыта и увезли в штаб дивизии.

10 июля приказом командира 180-й стрелковой дивизии я был назначен командующим сводной группой из 120 пехотинцев и артиллеристов. Нашей задачей было занять Дубровку и одновременно отвлечь внимание противника от правого фланга 86-го стрелкового полка.

Приказ командиру 1-й батареи 627-го артполка от 21.07.1941 г.

1. 1-й батарее перейти в подчинение передовому отряду дивизии, усиленному одной ротой из состава 42-го стрелкового полка, двумя тяжелыми пулеметами и противотанковым орудием. Ваша задача – занять и удерживать теснину между болотами к западу и юго-западу от Волчье. Кроме того, ваша задача – прикрывать наступление 21-го и 86-го стрелковых полков.

2. 21 июля 1941 в 21.00 батарее надлежит выдвинуться по следующему маршруту: Станки – Горная – Крутец – Релки – Прудцы – Дубовец – Берестище – Волчье. Прибыть в пункт назначения (Волчье) к 5.00 22 июля 1941 г. Подразделению доложить о прибытии командиру стрелковой роты

капитану Элвисту. Подразделению сосредоточиться в лесу в 3 км к северо-востоку от Волчье. Схема маршрута прилагается.

3. Подразделению надлежит получить довольствие в 627-м артполку и 42-м стрелковом полку.

Подпись: начальник штаба, ст. лейтенант

В 15.00 мы приблизились к деревне Сантурово, развернулись в боевой порядок и без боя заняли деревню. Лишь на выходе из Сантурово мы попали под пулеметный огонь. Развернувшись в боевой порядок и прикрывая фланги с обеих сторон, вышли на высоты к северу от Махновки. Под пулеметным огнем противника нам удалось спасти трех красноармейцев из 86-го стрелкового полка, по шею увязших в трясине.

Только взошли на высоты, как вокруг засвистели пули («вжих-вжих»). Высоту накрыло артиллерийским и минометным огнем. Несмотря на сильный неприятельский огонь, нам удалось захватить оборонительные позиции.

Я залег между двумя камнями, которые спасли мне жизнь. Воздух был наполнен свистом пуль и воем снарядов. Тут мы заметили движение у деревни Махновка. Неприятель бросками приближался к нам. Я старательно целюсь и встречаю немцев пулями, а они пытаются укрыться. Заговорила наша артиллерия под командованием начальника артиллерии 180-й дивизии майора Дольчиха, отправившая, правда, (спасибо ей за это!) целых девять снарядов по своим. Виной тому «образцовое командование» батареей комиссара Чурюмова, принявшего нас за противника.

Тем временем железный ливень не прекращался. От моего камня постоянно рикошетили пулеметные пули. Из-за разрывных снарядов фейерверк выдался выдающийся. Левый фланг 4-го взвода, которым командовал эстонец Кивимэр, не выдержал и сбежал в ржаное поле. Неприятель наполовину обошел нас с правого фланга и пытался выдавить в сторону болот и озера. Возникла опасность окружения. Я приказал пулеметчикам 1-го и 3-го взводов открыть огонь, а остальным – отступить.

Некоторые солдаты и командиры пытались бежать, но эти попытки были пресечены с помощью оружия. В результате нам удалось выйти из боя под прикрытием пулеметного огня несмотря на то, что неприятель не прекращал обстреливать нас из минометов. В ходе этого боя из 120 человек дезертировали 32, почти все – эстонцы. 8 человек получили ранения, в том числе, командир 1-го взвода минометной роты 42-го стрелкового полка Михайлов, заместитель политрука Тильк.

За хорошее командование в ходе боя и отступления я услышал в свой адрес от личного состава столько слов благодарности, сколько мне еще слышать не приходилось. Даже старший лейтенант, замеченный мной во время артобстрела с идиотской улыбкой на лице, едва не сошедший с ума от страха, обратился ко мне со словами: «Какая молодая, но светлая голова!». Так закончился бой у Махновки.

Ночь прошла без особых происшествий, но по приказу военного комиссара Чурюмова все сохраняли полную боевую готовность, как если бы ожидалось нападение на командный пункт в Катенках (Katenki). Весь день 11 июля ушел на то, чтобы раздобыть продовольствие.

12 и 13 июля прошли в передвижении без особых происшествий. С 14 по 17 июля мы стояли у деревни Киселево, а с 17 на 18 июля – пробивались из Загорья на Заклинье, чтобы нанести удар во фланг немцам, сконцентрировавшимся у Порхова.

18 июля в 17.00 авангард 42-го стрелкового полка наткнулся на противника у деревни Лутово. Штабная батарея заняла позицию в лесу у Раково. Мы с боем прошли за Лутово. Один из батальонов 42-го стрелкового полка занял восточную окраину леса, лежащего к западу от Лутово, и ведет пулеметную перестрелку с противником.

День жаркий и ясный. Противник задействовал много самолетов для ведения артиллерийской воздушной разведки. 2-й дивизион занял боевую позицию. В 5-й батарее, занимающей оборонительную позицию, нет компаса. Поэтому мне пришлось управлять огнем без компаса, пользуясь приметными ориентирами на местности.

Связь с пехотой установить невозможно. У командира батальона нет командного пункта – прыгает с места на место. Чтобы поддержать пехоту артиллерийским огнем, я был вынужден отдать приказ 5-й батарее вступить в бой. Быстро занимаем новую оборонительную позицию. Открываем ураганный огонь, но вскорости вынуждены прервать его, поскольку воздушная разведка неприятеля «вычислила» нашу позицию, и нас подвергли массированному обстрелу. Расчеты даже хотели бежать со своих позиций. С оружием в руках я пресек эти попытки. Убедив их в бессмысленности бегства, я заставил их отойти на запасную позицию.

Это был настоящий ад. Снаряды и мины рвались совсем близко и осыпали нас землей и осколками. Особенно сильным был деморализующий эффект от осколочно-фугасных снарядов. Галопом сменили позицию, переместившись в кусты. Нам нужно было занять наступательную позицию, но никакой связи с пехотой не было. Не успел я сам найти новую позицию, как противник снова начал обстрел нашей батареи. Пути возможного отступления также обстреливались. Что делать? Я принял

решение спасти батарею и вывести ее из-под огня. Приказал пулеметчикам выйти на оборонительную позицию, а батарее – отойти. Сам остался на наступательной позиции.

Противник усилил огонь. Пехота 42-го стрелкового полка дрогнула, заколебалась и, в конце концов, пустилась в самое настоящее бегство. Противник ведет обстрел из минометов, сея смерть и смятение в наших рядах. У нас большие потери убитыми и ранеными.

Лишь к вечеру удалось кое-как собрать рассеянные батальоны и организовать оборону деревни Лутово. Своим огнем противник не позволил нам выбрать место для командного пункта. Два орудия 2-й батареи были уничтожены обстрелом. Потери понес и обоз штабной артиллерии. Вероятно, убит капитан Райяло. Мы нашли его лошадь с простреленным и окровавленным седлом. Многих из наших не досчитались мы в этот день.

Ночью получили приказ немедленно отступить и занять новую позицию у деревни Дедовичи. 18 июля начали отход. 18 июля в 12 часов ночи вошли в Дедовичи и сосредоточили свои силы. Мы оставались там только один день и одну ночь, 20 июля в 4 утра выдвинувшись в сторону Яски и Пустошки. В Яски прибыли около 16.00, смогли отдохнуть и помыться.

21 июля в 9.00 выступили маршем в направлении Пустошки. Весь переход нас сопровождали немецкие самолеты. Нашим бронированным машинам удалось подбить двух «голубков». Маршрут перехода во время передвижения был изменен. Вместо Пустошки двинулись на Пуково, где нас, как я слышал, должны были переформировать, а 180-ю стрелковую дивизию – направить на отдых и пополнение. Но это были лишь «лихорадочные мечты умалишенного». Несмотря на то, что личный состав ужаснулся до 50%, нам было приказано продолжить марш и поспешить на помощь 21-му стрелковому полку, двигавшемуся впереди нас в направлении Веретье – Перница – Болотово – Крапивно – Заполье.

31 июля 1941 года (Турхнова)

День ясный и солнечный. Особые происшествия: никаких.

Первая батарея вернулась из Волчьей. Ее привел политрук Козлов. Командир батареи Норчук и командир взвода Майде (Найде?) стали перебежчиками. Кроме них перебежали еще около 15 красноармейцев.

В 13.00 противник открыл огонь из дальнобойной артиллерии. Под обстрел был взят лес в полутора километрах к северо-западу от Турхнова. Командир и военный комиссар отдали приказ о смене позиции. Нам надлежало занять новые позиции на отрезке Жевахново (?). Не успели дивизионы сформировать колонны, как появились немецкие самолеты – 10 штук – и

навалились на нас словно хищники. Поначалу было трудно понять, что вообще происходит в этом аду из пламени, дыма и осколков. И лишь когда фашистские хищники скрылись, нашему взору открылась ужасная картина. 12 лошадей катались по земле в собственной крови, хрипы и стоны раненых и умирающих звучали невыносимо. Остальные разбежались кто куда. Потребовались усилия, чтобы собрать их – нужно было оказать помощь раненым и похоронить убитых. У нас было 9 убитых и 12 раненых. Среди последних – командир одной из батарей Кибен и командир одного из взводов Сахнов (Захнов?). Раненых погрузили на повозки и отвезли в дивизионный госпиталь.

Начальник артиллерии дивизии приказал нам занять позиции на отрезке Петрухново, но дойти до этой позиции не удалось. Маршрут снова был изменен, и мы сосредоточились юго-восточнее Большого Орехова. В 24.00 полк занял боевые позиции. Смертельно уставшими расположились на ночлег в какой-то школе, а около 2 часов ночи противник начал минометный обстрел нашего расположения. Однако спустя полчаса огонь прекратился, и ночь выдалась спокойной.

1 августа 1941 года (Большое Орехово)

Сегодняшним утром противник не ведет никаких боевых действий. Связь с дивизией снова установлена. Мы заняли траншейные позиции около школы. Погода безупречная, солнышко пригревает, и даже не верится, что идет война. Лишь вызывая в памяти ужасные картины вчерашнего налета – изуродованные трупы и потоки крови, осознаешь, насколько страшна война.

В 9.00 показался первый немецкий воздушный разведчик. Наконец у нас снова есть связь с нашими обозами. В 11.00 командир и военный комиссар уехали в дивизию. В 18.00 противник открыл по нам минометный огонь, в результате которого 2-й дивизион понес следующие потери: двое убитых и двое раненых. Командир 5-й батареи Кибен получил свое второе ранение. Кроме того, было ранено 4 и убито 10 лошадей. Наш полк в дивизии много хвалят.

2 августа 1941 года (Большое Орехово)

Мы расположились на старой площади около школы. Сейчас ночь. Все вокруг словно укутано черным шелком. Эта ночь напоминает гоголевские описания – стоит абсолютная тишина, не нарушаемая даже шепотом влюбленных парочек. Мертвая тишина. Мы улеглись спать в здании школы. Было около 2 часов ночи, когда стены здания сотряслись от сильной детонации. Оконные стекла задребезжали, нарушив тишину этой сказочной ночи. Поначалу, еще в полусне, мы не могли понять, откуда по нам стреляют. Однако потом узнали, что противник напал на батарею с

воздуха. Налет продлился 30 минут, и снова воцарилась тишина. Утро выдалось – как и все предыдущие дни – ясным, но немного прохладным.

Мы (180-я стрелковая дивизия) ожидали прибытия транспорта с пополнением. В 20.00 командир полка привез приказ из дивизии, согласно которому мы снова были приданы 86-му стрелковому полку. Нам надлежало сменить боевую позицию.

3 августа 1941 года

Всю ночь продирались сквозь кустарник. Это было ужасно. В 9 утра связь с дивизионами была установлена. 2-й дивизион открыл огонь, а 1-й дивизион в 11.00 по приказу начальника артиллерии 180-й стрелковой дивизии был перемещен в его распоряжение в район Нагова. Весь день ушел на то, чтобы окопаться. Несколько раз над нами пролетали немецкие бомбардировщики. Немецкий самолет-разведчик, не переставая, словно ястреб нарезал над нами круги. Иногда над нашими головами свистели мины, и мы слышали выстрелы нашей артиллерии. К вечеру артобстрел усилился. Казалось, крыша блиндажа оживила и пришла в движение.

Между 21-м и 86-м стрелковыми полками образовалась неприкрытая брешь. Брошенная на ее прикрытие рота 86-го стрелкового полка бежала, а 21-й стрелковый полк начал отступление, не оказывая противнику ни малейшего сопротивления. Положение стало серьезным. Противник приближается к позиции 2-й батареи 23-го полка (?), на которой находится и наше подразделение. Попытки остановить бегущих не принесли успеха. Оборонительная позиция оставлена. В 22.00 2-й батарее 23-го полка было приказано отступить на новую оборонительную позицию. Противник занял Дубровку, и мы находимся в «заклинном» положении.

4 августа 1941 года

День начался обычным августовским утром. Мы провели ночь в новом недостроенном блиндаже. Поначалу все было спокойно. 21-му стрелковому полку приказано наступать и потеснить противника. Даже не знаю, как мы сможем этого добиться, ведь из вооружения у нас только винтовки. Во всем полку едва найдется пара пулеметов, о минометах вообще молчу. Остаток дня ушел на оборудование командного пункта и проведение артподготовки.

5 августа 1941 года

В 4 утра пришли майор и военный комиссар. Огласили приказ – ускориться с переходом на новые позиции у совхоза «Сталь» (?). Скоро собрался штаб. В какой-то ненужной спешке телефонист прервал связь со вторым дивизионом, и, несмотря на все мои усилия, мне так и не удалось ее восстановить. Мы получили план оборонительных позиций дивизии, на

котором был обозначен командный пункт полка. Там надлежало появиться и командиру 2-го дивизиона.

Несмотря на все мои попытки в течение дня, мне так и не удалось восстановить связь. Положение стало таковым, что командный пункт попал в полное окружение немцами. Несмотря на это, нам удалось без потерь вырваться из кольца окружения.

Около 20.00 удалось установить связь, и мы открыли огонь из 12 орудий по Муравьево. Да и погода нам на руку. Легкий туман покрывает низины, дым стелется по земле. То там, то тут словно факелы горят деревни. Теперь мы у Старой Руссы и завтра будем прикрывать переправу через реку. Противник обстреливает нашу деревню. У колодца ранило четырех солдат из чужого подразделения. Ночь провели в Федычино (?) (Fedjetschino).

6 августа 1941 года

В 3.30 командир дивизии приказал 180-й стрелковой дивизии переходить в наступление. Задача – овладеть деревней Муравьево. Мы должны были снова поддержать 42-й стрелковый полк (наших старых друзей). В 8.00 вышли на позиции за Дубовцы. В 9.00 начался бой. Противник открыл огонь из минометов. Командный пункт оставался на своем месте до последнего момента, когда никакой пехоты уже не было, и немецкие пулеметы начали обстреливать его. Вокруг словно оводы жужжали пули.

Нам ничего не оставалось, как ждать помощи, и мы пытались вывести свои силы из окружения. Командный пункт вынужден был оставить свою позицию под свист пуль и завывание мин. Противник был у нас под самым носом. Я приказал знаменосцу и связистам отойти. Сам же с несколькими бойцами оставался на передовой до последнего. Однако к 10.00 и нам пришлось отойти под градом снарядов. До деревни нужно было преодолеть 100 метров совершенно открытого пространства. Противник вел заградительный огонь. Мы отступали сквозь огонь и дым. Останавливаться было нельзя. Нужно было быстро продвигаться вперед. Ударной волной от разрывов мин нас бросало на землю и обдавало комьями земли, но медлить было нельзя.

Тут появилась немецкая боевая машина и начала стрелять по нам прямой наводкой. Убило лейтенанта-пехотинца, еще несколько раненых бойцов осели на землю. Бронемашина открыла артиллерийский огонь. Снаряды рвутся вокруг нас, земля высоко взлетает к небу. Дым разъедает глаза, во рту горький привкус. Падает комиссар. Мы хотим взять его с собой, но в этом нет никакого смысла – он уже мертв. У него сломана нога и оторвана ступня.

Под сильным огнем переправляемся через Ловать. За Старой Руссой занимаем позиции. Мне снова пришлось управлять огнем по карте. Ночью еще одна смена позиции. Задачу поставил начальник артиллерии корпуса (Петропавловский⁶). Командный пункт разместился в Липовицах. На ночлег разместились в одной из изб. Как же было приятно заснуть хоть на три часа.

7 августа 1941 года (командный пункт в Медниково)

Утром были сильно раздражены беспомощностью командиров дивизионов – они не в состоянии даже установить связь между отдельными подразделениями. Мы позавтракали и спустились в блиндаж на командном пункте. В 11.00 деревня была разрушена до основания налетом 30 немецких бомбардировщиков. Самолеты сбросили около сотни бомб. Нам удалось своевременно укрыться в спасительном блиндаже, который был наполнен едким дымом. Все кругом горело. Бомбовым ударом ранило четверых и убило одного. Кроме того, получили ранения четыре лошади из штабной батареи.

В 13.00 командный пункт был переведен в Медниково. Там тоже все в огне. Мы поддерживаем огнем 42-й стрелковый полк, прикрывающий переправу. Я снова поехал на оборонительную позицию 1-го дивизиона и руководил огнем. Связи не было. Связь была восстановлена только к 18.00.

8 августа 1941 года (командный пункт в Медниково)

Ночь прошла беспокойно. Военный комиссар, опасаясь окружения, держал всех в полной боевой готовности. Так мы просидели до 4 утра, пока все не успокоилось. Утро (как и все предыдущие) одалило нас светлой улыбкой кокетливой дамы, хитрой и жестокой в любви. Мы продолжаем огневую поддержку 42-го стрелкового полка, прикрывающего переправу. В Старой Руссе гремят уличные бои с группой прорвавшихся немцев.

В 10.00 немецкая артиллерия и минометы начали обстрел нашего расположения. В 13.00 противник усилил минометный обстрел нашего командного пункта. Я, Сенков и Кивита бросились в траншеи и залегли, покрытые сверху землей и грязью. Одна мина угодила прямо в блиндаж и разрушила его. Находившийся внутри политрук Шарков (Жарков?) остался лежать с проломленным черепом. Его заместитель Соосаар (Зоосаар?) был засыпан, и нам пришлось откапывать его. Ему повезло – ничуть не пострадал. В то место, где я приходил в себя буквально пару минут назад, ударила мина, и лейтенанта Метца с раздробленным черепом отбросило на пять метров в сторону.

⁶ Петропавловский Павел Никандрович (1899-1953) - генерал-майор артиллерии (с ноября 1942 года).

Наша артиллерия ведет огонь, не переставая, но у нас совершенно нет минометов. наших убитых повезли на повозке в штаб дивизии. Мы не забрали их документы. Такова война – некогда сожалеть о ком-то или думать о смерти. Их участь может в любую минуту постигнуть и тебя самого.

Обстрел наших позиций в Медниково продолжался до 24.00, затем мы перенесли командный пункт в другое место.

9 августа 1941 года (поросшая кустарником местность в 1 км к северу от Медниково)

Ночь. Все вокруг темно-серое и непрозрачное, освещаемое лишь редкими разрывами снарядов и мин. При разрывах можно разглядеть полуразрушенную деревню Медниково и почти полностью выгоревший город Старую Руссу.

В воздухе рвутся осколочно-фугасные снаряды, прилетающие к нам сотнями с громким шипением и свистом. Вокруг горят деревни и город Старая Русса.

Совсем близко лают немецкие пулеметы, наши же слышны лишь изредка. Пули жужжат будто пчелиные рои. Пехота бежит. В 24.00 покидаем Медниково и бежим к северу, в кустарник, ближе к пехоте. Проводим ночь под грохот орудий. Трассирующие пули устраивают настоящий фейерверк, словно на маскараде. Из-за сильного обстрела нам не смогли подвезти ужин. Мы ужасно проголодались.

9 утра – позади бессонная ночь. Противник переместил огонь на кустарник, неумолимо и методично разрывая и уничтожая все вокруг. Пехота не устояла перед этим адским огнем и пустилась наутек. Я остался один со своим штабом. Пока попытался собрать людей и вывести технику, выяснилось, что невредимыми остались лишь двое водителей.

Дороги здесь нет. Нужно выбираться через кустарник и поля. Приказал погрузить на автомобили около 20 тяжелораненых. Тяжелое зрелище, такого ни в каком кино не увидишь. Автомобили поехали через кусты, а я шел пешком в десяти шагах впереди и показывал им дорогу. Так мне удалось (и уже не в первый раз) вывести штаб из смертельной предряги.

Мы вышли на дорогу у деревни Анишино, где мы сначала встретили военного комиссара, а затем и командира полка. Постепенно со всех сторон света собрались и все остальные. Я отправил Шелифоста на оборонительную позицию, чтобы организовать прикрытие нашему отступлению. Поставил ему задачу – если не будет хватать боеприпасов, по одному выводить орудия из боя и доставлять в деревню Иваньково.

13.00. Выехал на оборонительную позицию, но не застал там ни одного орудия ни из 1-го, ни из 2-го дивизионов. Решил пробиваться в Иваньково, где и обнаружил батареи на позиции по краю леса. Мы снова открыли огонь. Нам подвезли боеприпасы. Теперь у нас 300 снарядов.

Встретил начальника артиллерии корпуса полковника Петропавловского, который поставил мне боевую задачу. Наш командный пункт перемещен в деревню Иваньково, где мы приступили к строительству блиндажей. Нам был передан приказ из штаба начальника артиллерии дивизии – занять боевые позиции в 3 км к югу от Медниково, невзирая на то, что там уже могут быть немецкие части.

Что с того? Приказ нужно выполнять. Отдаю приказ собираться. Сам с одной из машин отправляюсь вперед, чтобы разведать обстановку. У железной дороги встретил командира дивизии полковника Миссана⁷, начальника артиллерии дивизии Теленкова, начальника штаба артиллерийского командования майора Маркова. Подробно разъяснил им наше положение и поставленную мне задачу, на что последовал приказ – оставаться на прежней позиции и оказывать поддержку 42-му стрелковому полку (командир пока ранен, его замещает его помощник, капитан Ромашенко (Ромашенко?). Потом я нашел командира 42-го стрелкового полка, как раз пытавшегося собрать своих людей. Пока с ним было всего 8 бойцов. Что тут поделать?

Вечером нас накрыли бомбами 12 немецких бомбардировщиков и истребителей, пытавшихся помешать переправе у Парфино. Ночь прошла спокойно. Клопы табунами бегают по избе, но нам это нипочем. Мы всегда спим одетыми – уже привыкли с начала войны.

10 августа 1941 года (Иваньково)

Неприятель не проявляет никакой активности, быть может, потому что сегодня воскресенье. При этом наша артиллерия палит из всех стволов. Возможно, к вечеру немец даст о себе знать. В 10.00 командир полка майор Юрков отправился к командиру стрелкового полка. Я остаюсь в избе. Мне удалось побриться. Погода сегодня хорошая, не чета вчерашней, когда было холодно, ветрено и дождливо.

В 14.00 неприятель снова начал артобстрел. Деревню Иваньково накрыло огнем. Мы укрылись в блиндажах. У моста слышен резкий стрекот пулеметов, неуклонно приближающийся к нашему командному пункту. У нас нет связи ни с командиром полка, ни с пехотой. Стрельба усиливается. Расставляю часовых у командного пункта и решаю укрыться в блиндаже,

⁷ Миссан Иван Ильич (1903-1980) – генерал-лейтенант (с 15.09.1943), в ходе Второй мировой войны командовал 180-й стрелковой дивизией (28-й гвардейской), затем 1-м гвардейским стрелковым корпусом и 103-м стрелковым корпусом.

чтобы немного передохнуть. Не успел заснуть, как к нам прибыл командир полка в сопровождении ординарца. Они прошли по лесу 15 км, избегая окружения немцами. Противник прорвался на одном участке между 42-м и 21-м стрелковыми полками и пытался окружить нас и командный пункт штаба 180-й стрелковой дивизии.

11 августа 1941 года

Сразу по прибытии майора собрали личный состав (в 3.30), чтобы занять новую оборонительную позицию на участке Ясной Поляны. Смена позиции обошлась без потерь. Вместе с командирами дивизионов отправился в Ясную Поляну, чтобы выбрать место для оборонительной позиции. На месте выяснилось, что на позицию в деревне могут выехать только шесть орудий. Начальник артиллерии корпуса приказал 2-му дивизиону занять другую позицию, однако вывести туда орудия было невозможно.

В 14.00 поступил приказ приступить к переправе через Ловать у Парфино и далее занять боевую позицию в деревне Гонцы. В 18.00 дивизионы заняли свои участки, и 2-й дивизион открыл огонь.

День прошел спокойно. Около 22.00 во 2-м дивизионе произошел несчастный случай: во время выстрела в 5-й батарее снаряд разорвался в стволе. В результате один красноармеец 5-й батареи погиб, двое получили легкие, а один тяжелые ранения. Остаток дня прошел спокойно.

12 августа 1941 года

Ночь прошла спокойно, было прохладно. Утром все покрылось обильной росой. Когда взошло солнце, повсюду словно сверкали бриллианты, но влага быстро испарилась под теплыми солнечными лучами. Неприятель не проявлял никакой активности, словно решив взять передышку. Наши дивизионы обстреливали Брагино и Сергеево.

В 18.00 нас придали на усиление 21-му моторизованному полку. Полк должен был переходить в наступление. В течение всего вечера артиллерия вела огонь по противоположному берегу реки Редья. Командир 21-го моторизованного полка постоянно требовал артиллерийского огня. Огонь (особенно ночью) демаскировал расположение нашей оборонительной позиции. В 17.00 распорядились натопить баню. Впервые с начала войны мне удалось как следует вымыться.

13 августа 1941 года (Мухино)

Ночь прошла так же спокойно, как и предыдущая. Утро снова выдалось удивительно ясным. Роса блестела словно слезы в глазах прекрасной девушки. Красноватые лучи восходящего солнца переливались в каплях росы. Вокруг тишина и покой, нарушаемый лишь пением лесных птиц.

И вот эту красоту и гармонию природы разрушают свист снарядов и громкие разрывы мин. В 9.00 противник усилил минометный обстрел Мухино и леса, где располагался наш командный пункт. Вместе с группой разведки направился в деревню Мухино, чтобы справиться, насколько успешно продвигалась переправа через Ловать.

Железнодорожный мост через реку был подорван. Прибыв в деревню, мы нашли ее пустой и брошенной. Нашей пехоты нигде видно не было. На восточной окраине деревни встретили командира одного из батальонов 21-го моторизованного полка и старшего политрука, пытавшихся установить связь с отдельными подразделениями. Батальон разбежался. Часть людей пыталась вплавь добраться до другого берега Ловати. Однако немцы расстреливали их из пулеметов, и они шли на корм рыбам. 42-й стрелковый полк бежал в южном направлении вдоль русла реки.

Все это привело к тому, что противник предпринял попытку выйти на восточный берег реки. Попытка форсирования была пресечена метким огнем нашей артиллерии. Лишь наш штаб и наши дивизионы продолжали драться. Пехота бежала в лес.

В 8.00 командир полка отправился в штаб дивизии. Вскоре и военный комиссар убыл в дивизию. В штабе остались только я и мой помощник. Наше положение стало критическим. Нескольким пулеметчикам удалось пробиться к Мухино и, хорошо замаскировавшись, начать интенсивный обстрел леса и деревенских улиц. Теперь у нас нет возможности перейти железнодорожное полотно. Дорогой через Мухино также выходить нельзя.

В 12.00 из дивизии вернулась машина с комиссаром. Стоило ему въехать в Мухино, как по нему открыли огонь с чердака какого-то дома. В машину попало несколько пуль, пробив бензобак. Красноармейцы побросали винтовки и разбежались. Военный комиссар выпрыгнул из машины и ползком около километра продвигался к лесу.

Несмотря на повреждения водителю удалось спасти машину. Двое красноармейцев-посыльных передали мне на командный пункт приказ оставить позицию и занять новую у деревни Лукино. Как выполнить этот приказ? Как провести по дороге моторизованные части, людей и лошадей, где и кошка живой не проскочит? Кажется, путь к отступлению полностью отрезан.

Я предвидел это еще два дня тому назад, когда полку было приказано сконцентрироваться в лесу у деревни Гонцы. Мы пытались разведать дорогу к переправе через Полу и нашли дорогу, вернее, узкую лесную тропинку, края которой сначала нужно было вырубить, чтобы техника смогла проехать. Этой дорогой мы и воспользовались при отступлении. Несмотря на сильный минометный обстрел удалось добраться до Лукино

без каких-либо потерь. Сразу по прибытии я распределил боевые участки для нашего дивизиона. Теперь ожидаю командира полка. В 2 часа ночи пришел приказ от командира дивизии вернуться на наши прежние позиции в Мухино и Гонцах.

14 августа 1941 года (лес в 2 км к западу от Мухино)

После двухчасового отдыха двинулись маршем в сторону наших прежних позиций. Не успели мы проделать и полпути до Парфино, как поступил новый приказ командира полка – одному из дивизионов оставаться в Лукино в подчинении начальника артиллерии дивизии. Остальным дивизионам – осуществлять поддержку 42-го стрелкового полка. Мне нужно было вернуться назад, чтобы остановить 2-й дивизион и передать приказ оставаться в Лукино. Не успел я передать этот приказ, как получил новый от начальника артиллерии корпуса полковника Петропавловского. Дивизиону надлежало не оставаться в Лукино, а занять позицию восточнее деревни. Нужно было разыскать начальника артиллерии дивизии, чтобы прояснить обстановку и спросить, какой из приказов мне следует исполнять.

После трехчасового блуждания нашел его в 2 км к востоку от Мухино, и мы обсудили обстановку. Здесь я получил окончательные приказы от майора Маркова. 2-му дивизиону осуществлять поддержку 42-го стрелкового полка на левом фланге, а 1-му дивизиону – 86-го стрелкового полка. Оба эти полка почти полностью разбиты. Поскольку в их составе осталось едва по сотне бойцов, им выделено подкрепление по 300 человек. Обратившийся в беспорядочное бегство 21-й моторизованный полк также почти полностью уничтожен. Большое количество автоматического оружия осталось лежать в реке.

В 14.00 укрепились и заняли оборонительную позицию. Командный пункт развернут в лесу. Противник пытается вести обстрел наших позиций, но безуспешно. Неудач.

15 августа 1941 года

К часу ночи закончили строительство блиндажей. Блиндаж вышел хорошим, толщина крыши 25-30 см, так что мы полностью защищены от 76-мм и 112-мм снарядов. Опасность представляют только 100-килограммовые бомбы.

В 2 часа по нам открыли пулеметный огонь из всех стволов. Лес был наполнен треском выстрелов. Стояла кромешная тьма, буквально не было видно собственную руку, поднесенную к лицу. В 4.00 стрельба прекратилось, и все стихло.

Утром небо затянуто тучами. Чувствуется приближение осени. Желтеют леса и поля. Осень отражается и на людях. Они становятся спокойнее и задумчивее.

В 9.00 три наших бомбардировщика на высоте 5 м прошли над лесом. В 11.00 отправился в деревню, где разузнал, что около 50 немцев перешли Ловать. Рассеявшись по деревне, они открыли по нам огонь. Я выслал разведгруппу. У двух гражданских отобрал две винтовки и 20 патронов.

В целом сегодняшний день хорош. Светит солнце и тепло. Немец хоть и обстреливает нашу деревню из артиллерии, и все же дела неплохи. Плохо лишь, что ничего не известно о судьбах наших семей. Мы не знаем, чем и как им помочь, как списаться с ними. Отправил уже четыре письма, но ответа не получил. Как им бедняжкам приходится выживать без средств к существованию?

Только что повстречал в лесу двух женщин – молодую с ребенком и пожилую. Просили дать им кусок хлеба, целый день ничего не ели. Отдал им буханку хлеба. Быть может, и наши где-нибудь голодают!

16 августа 1941 года

В 0.30 начальник артиллерии дивизии сообщил по телефону, что 2-му дивизиону и штабу надлежит к 2.00 прибыть в Присморжье, где ожидать дальнейший приказов. Мы преодолели железнодорожную линию у Мухино без потерь, но стоило нам проехать еще километр, как ночную тишину потревожил пулеметный огонь. В 8 утра у Присморжья появились вражеские самолеты и начали бомбить место переправы. 180-я стрелковая дивизия и вся армия двигаются в направлении Старой Руссы.

Нам посчастливилось преодолеть место переправы, сохранив все орудия. У нас было всего 6 орудий, поскольку 1-й дивизион и 114-мм батарея 629-го легкого артполка приказом командира дивизии приданы 86-му стрелковому полку. 86-й стрелковый полк грузовиками переброшен на другой участок фронта.

Едва добравшись по шоссе до перекрестка, были подвергнуты массовой бомбардировке вражеской авиации. Не успевали проехать и небольшого отрезка, как следовал новый налет, нужно было выскакивать из автомобиля и искать укрытия. Лошади так измотаны и ослабели, что едва тянут орудия, поэтому колонна сильно растянулась. За это меня уже отругал командир армии. Пехота перемещается хаотично, продвигаясь вперед с опаской.

Мы двигались вплоть до наступления темноты, так и не увидев нашей пехоты (42-й стрелковый полк), и лишь в Липовицах встретили нового командира 42-го стрелкового полка майора Коровина. По дороге часто

встречались могилы немецких солдат, украшенные цветами и с положенными сверху стальными касками. Ночь прошла спокойно. Спал в своем легковом автомобиле.

17 августа 1941 года

Еще не успело рассвети, а я уже на ногах. Решил вместе с моим ординарцем отправиться в сторону Липовиц на розыски командира 42-го стрелкового полка. Мы пересекли поле, но его нигде не было.

В 6.30 появились два бомбардировщика, один из них сбросил ракету на Липовицы, а второй – в лес. По этому сигналу налетели «стервятники» – фашистские мессершмитты. С резким завыванием на нас посыпались первые бомбы, затем все больше и больше. Одна из них угодила в избу, в шести метрах от которой я залег. Начался пожар, и изба вспыхнула факелом. Вокруг разверзся настоящий ад – грохот и беспрестанное завывание. Загорелся грузовик 23-го гаубичного полка, затем еще один, из него выпрыгнул объятый пламенем водитель.

Все мечутся в беспорядке, и ему некому помочь. Срываю шинель с пробежавшего мимо солдата и накидываю на горящего водителя. О том, что бомбы и боеприпасы в горящем грузовике могут взорваться, думать некогда. Нужно спасти водителя! Но парень пытается бежать. Хватаю его и валяю в траншею, укрывая шинелью, через которую пробивается пламя. Забрасываю землей горящее лицо и руки. Его жизнь спасена.

Однако нужно двигаться дальше и найти командира 42-го стрелкового полка. Мы достигли восточных окраин Старой Руссы, так и не встретив никакой пехоты. Дорогой на нас большими стаями налетали самолеты и бросались сверху словно ястребы, засыпая «подарками» и поливая пулеметным огнем.

Дороги все перепаханы, у одной из воронок заметил автоматический пистолет. Ну как не подобрать? Дальше стоял сгоревший грузовик, а на дороге – обгоревший труп солдата. Картина выглядит устрашающе, хоть я и не робкого десятка. Возвращаюсь в Липовицы и встречаю там командира 42-го стрелкового полка, а также моего собственного командира. Направляемся на наш командный пункт на заросшем кустарником поле. Моих помощников на месте нет, сбежали (Шелифон и Музыря (Мусыря?)). Нет и военного комиссара. На месте лишь полковой комиссар и нас двое.

Нужно ехать в штаб батареи на легковой машине. Но по кратчайшей дороге не проехать – на ней воронка глубиной метров десять. Объездными путями добираюсь до штаба, организую связь, отправляю людей на рекогносцировку и пускаюсь в обратный путь. Несмотря на то, что два бомбардировщика были подбиты, эти наглые «стервятники» снова над

нами. Казалось, они готовы были расклевать всё и вся, снижаясь до 10-15 метров и обстреливая каждый куст. Еду дальше и размышляю, когда же наступит моя очередь оставить сей мир. Но мой час еще не пробил.

Во 2-м дивизионе убило 4 и ранило 7 лошадей. Ранен командир дивизиона Васильев. Наложил ему повязку и отправил в санбат.

До 21.00 самолеты преследовали чуть не каждого одиночного солдата. Я не мог ехать на автомобиле и вынужден был добираться до штаба батареи пешком. Большие участки пришлось преодолевать по-пластунски, используя каждую канаву.

Вечером, когда стемнело, нам следовало согласно приказу командира дивизии двинуться вперед и занять Федычино (?) и Б. Орехово. Пехота в 20.00 двинулась в сторону аэродрома. Я и майор Юрко⁸ остались на месте, чтобы отправить маршем боевые дивизионы (?). Мы прождали довольно долго, но ни боевые дивизионы, ни командир 42-го стрелкового полка так и не появились.

В 2.30 решил отправиться на поиски полкового комиссара и командира 42-го стрелкового полка. Тьма стояла кромешная. Через кустарник и поля ржи добрался до деревни Большая Козона. Там все спали как убитые, включая комиссара 42-го стрелкового полка и командира 2-го дивизиона Пуранда. Пришлось разбудить господ командиров и навести немного порядка. У нас не было никакой связи.

18 августа 1941 года (Большая Козона)

До рассвета оставалось около получаса. Я вышел в траншею, выслал разведдозор и одного посыльного. Не успел разведдозор добраться до аэродрома как был обстрелян со стороны Старой Руссы из всего, что только можно, что вынудило его вернуться.

В 10.00 связь была установлена, и мы открыли огонь по Федычино. Вдруг кто-то сзади обстрелял меня из автомата. Я укрылся в огороде.

В 13.00 прибыл майор. В 14.00 пехота перебралась через реку Порусью и продвинулась до деревни Скрипково. В 15.00 и мы переместили командный пункт на окраину деревни Скрипково. Интенсивный автоматный огонь. Минометы и артиллерия, похоже, обстреливали нас от цеха по замочке льна и с кладбища. Пехотинцы снова разбежались, и в составе полка осталось 26 человек, из которых при попытке прорыва было ранено четверо. Затем был ранен и командир 42-го стрелкового полка. Военком 42-го стрелкового полка оставался на месте и сумел выбраться из огневой ловушки лишь с наступлением темноты.

⁸ Вероятно, правильная фамилия – Юрков.

Ночь провели без сна. Несмотря на то, что комдив приказал наступать, его приказ остался лишь приказом. С 22 солдатами, вооруженными только винтовками, пойти на немцев мы не могли.

19 августа 1941 года (Скрипково)

День прошел без особых происшествий. Пехота продвинулась на 300 м, на этом все и закончилось. С 10.00 до 20.00 вели оживленный огонь по всем подозрительным точкам.

Ночь также прошла без происшествий. Выдалась приятная минутка, словно солнечный луч в царстве тьмы! Я увидел женщину, врача из 42-го стрелкового полка, напомнившую мне мою любимую жену Аннеточку (Анюту?). Жизнь на краткий миг заиграла красками, и тут же снова сгустилась тьма.

В бою сложно собрать свои мысли, нет времени думать о чем-то еще. А в боях я уже с 7 июля 1941 года.

20 августа 1941 года (Скрипково)

Утро недоброе. Мы поддерживаем огнем 42-й стрелковый полк, которому едва удалось собрать человек 150. Продвижение вперед невозможно, люди доходят до восточного берега Полисти и ни шагу дальше!

С 9.00 противник ведет интенсивный минометный и артиллерийский обстрел нашего участка (Скрипково). Нас спасают только траншеи и блиндажи. Одна из мин разорвалась в пяти метрах от края траншеи, и я спас себе жизнь лишь тем, что успел пригнуться – осколки пролетели мимо. Меня лишь обильно засыпало землей.

Нас постоянно беспокоят «кукушки»⁹, только не знаем с какой стороны. Большую активность демонстрирует вражеская авиация, которая наглет все больше, чувствуя полную безнаказанность.

Так и прошел этот день, словно темное пятно. Боеприпасы скоро закончатся. Во 2-м дивизионе на 6 орудий 18 снарядов и 30 снарядов со шрапнелью. Полковая батарея 42-го стрелкового полка израсходовала все боеприпасы и самовольно отступила назад, не имея на то приказа. Я несколько раз докладывал об этом командиру дивизии, но безуспешно. Противник на нашем участке имеет около 8-10 тяжелых пулеметов, 4 батареи тяжелых минометов, одну батарею тяжелых 107-мм орудий, и всюду полно «кукушек».

21 августа 1941 года (Скрипково)

⁹ Скрывающиеся на деревьях снайперы (выражение времен похода на Финляндию) – примечание переводчика дневника на немецкий.

Сразу после рассвета возобновились бомбежки и артобстрел. Небо укрыто облаками, но самолеты кружат на бреющем. В 10.00 артобстрел усилился. Противник обстреливает наш командный пункт из минометов и артиллерии. Наша пехота прочно залегла и не продвигается ни на шаг. Наша артиллерия, 1-й и 2-й дивизионы, стреляет лишь одиночными и выпускает последние снаряды. Вчера в 14.00 мы сделали наш последний залп в сторону кладбища и теперь пребываем в ожидании подвоза боеприпасов.

Противник же сконцентрировал весь свой огонь на Скрипково. Снаряды рвутся, накрывая все вокруг осколками. Наш блиндаж вздрагивает от разрывов. Только что один из снарядов угодил в боковую стену, оглушив всех сидящих внутри. В ту же секунду второй снаряд пробил крышу, наполнив блиндаж осколками, дымом, землей и запахом серы. Стало темно, а когда немного прояснилось, я увидел лежащими на земле двух убитых и четырех раненых. Майора Юрко¹⁰, командира 627-го легкого артполка, контузило, и его на руках вынесли наружу. Старший лейтенант Фролов перевязывал раненых, но следующий снаряд свалил его с ног, причинив тяжелое ранение в живот.

Вскоре мне сообщили, что и командир 3-го артиллерийского дивизиона лежит с ранением в живот. Без повреждений пока лишь начальник штаба, комдив и я.

В 24.00 получил приказ перенести оборонительный рубеж на участок у Бряшной Горы. Утром мы собрались на новом участке. Весь день провел на ногах, обеспечивая связь с 42-м стрелковым полком. Несмотря на то, что я с раннего утра был в батальоне, мне так и не удалось найти его штаб. За этот день я сильно измучился. Противник обстреливает нас из минометов. Местность ровная и позволяет наблюдать за всеми перемещениями.

В 9.00 через подполковника Козлова (заместителя военкома) получил приказ начальника артиллерии утром 22 августа переместить командный пункт в лес в 500 м к западу от Сычево.

22 августа 1941 года (500 м западнее Сычево)

Добирались сюда 15 км под дождем и в темноте. Ужасно, что командиры, особенно командир 2-го дивизиона, начисто лишены чувства ответственности за людей и технику. Добравшись до места, выяснил, что не прибыли два орудия 6-й батареи, одно орудие из 5-й батареи и полевая кухня.

В 14.30 поступил приказ перейти к обороне и оказывать поддержку 42-му стрелковому полку на реке Редья. Самолеты противника бомбят нас целый

¹⁰ Вероятно, правильная фамилия – Юрков.

день, но нам приходится проводить рекогносцировку местности. В 15.00 собрал весь командный состав, включая командиров батарей и довел до них обстановку. Разъяснил им их задачи и провел беседу о работе, учете, обращении с техникой и ответственности командира.

В 18.00 вместе с комдивом (Пуранд) и командирами батарей выехал на участок Язвы (?). По дороге нам встретились группы раненых, возвращавшихся в левого фланга. Встретил подполковника ..., сообщившего мне, что немцы форсировали реку Редья. С этими сведениями о противнике прибыл в 180-ю стрелковую дивизию и доложил общую обстановку. Спросил, нужно ли нам занимать позиции в Язвы, поскольку ранее наших войск там не было. Мне напомнили о приказе Теленко¹¹, начальника артиллерии 180-й стрелковой дивизии.

В 20.30 вывел полк в направлении Сычево и вдруг заметил бегущего навстречу запыхавшегося командира 202-й стрелковой дивизии. Он рассказал, что батальон разбит, а ему едва удалось избежать гибели. Сычево занято немецкими танками.

Я не хотел этому верить и выслал конный разведдозор, который тут же вернулся, так и ничего и не выяснив. Их отослали назад прежде, чем они успели добраться до деревни. Решил ехать сам. Выдвинулся верхом в сопровождении четырех солдат и подъехал на расстояние 500 метров от деревни. Люди были недовольны, и даже лошади, казалось, ощущали в темноте близость опасности.

Оставив лошадей, мы попытались приблизиться к деревне. Все отчетливее была слышна речь и приглушенный звук работавших двигателей. Вдруг мимо пролетел грузовик с нашими солдатами и горючим. Я не успел остановить его. Тут же разорвались две ручные гранаты, сноп огня вырвался на дорогу, и со всех сторон засвистели пули. Пожалуй, живым из этого грузовика не выбраться никому.

Отправил одного из солдат назад с приказом установить у дороги два орудия. Сам остался на месте, чтобы продолжать наблюдение. Капитан Пуранд и Шнеперев отрезаны, ведь дорога на Заморшьё (?) занята.

Когда я вернулся на командный пункт дивизии, дивизии на месте уже не было. Нужно было организовать круговую оборону, и я выставил орудия по краям деревни. Через 42-й стрелковый полк установил связь с дивизией. Из дивизии пришел приказ: в 23.00 отправить полк в Парфино, оставив одну батарею для поддержки 42-го стрелкового полка, а самому оставаться в Сычево. Вскоре приказ был изменен. Мне предписывалось с 13 орудиями

¹¹ Вероятно, ошибка переводчика на немецкий. На стр. 13 упоминается Теленков, начальник артиллерии дивизии.

занять огневую позицию в Брагино. Я отправился в дорогу, оставив 1-ю батарею на политрука Шимичева и адъютанта, ст. лейтенанта Аксенова. Несмотря на авианалеты, мы прибыли в Брагино и заняли огневую позицию в 9.00 23 августа.

23 августа 1941 года

Ночь прошла без сна. Все мое внимание было обращено на организацию обороны и уход за лошадьми. К 9.00 мы обосновались в лесу и вывели орудия на огневую позицию. Я показал командиру полка Находно, с которым была установлена связь. Пришлось вместе с Пурандом даже отправиться туда, поскольку командиры тупы как дерево. К 10.30 все было готово к ведению огня.

В 11.00 сидевший на дереве наблюдатель доложил, что наша пехота бежит из леса восточнее Находно. Через несколько минут с правой стороны появилась колонна человек в 150, все из разных полков. Пулемет строчит короткими очередями. Телефонная связь с дивизией прервана. Высылаю разведдозор в Козлово. После того, как вся пехота прошла, показались обозы. Затем прибыл связной офицер с приказом комдива срочно сниматься и выходить маршем в направлении Брагино – Сергеево – Парфино, далее действовать по обстановке.

На всех дорогах в большом беспорядке стояли колонны из разных дивизий и не могли двигаться дальше. Артиллерии нигде было не проехать. Отправил людей, чтобы найти другую дорогу через лес. Дорогу нашли и прибыли в Парфино раньше других колонн.

В 9.00 прибыли Пуранд и Шнеперев, которых противник отрезал от нас в Язвы. В 16.00 собрались у переправы в Парфино. Мост был разрушен бомбардировками. Над восстановлением моста работало около 50 саперов. Я выделил еще 40 человек им на подмогу. Работы по наведению моста продолжались до 20.00. Все дороги и леса заполнены колоннами и артиллерией, но благодаря работе наших истребителей мы были прикрыты от нападения с воздуха. Переправа началась в 20.30. Я пустил вперед легковой автомобиль штаба, а затем мою артиллерию.

В 22.00 случилась неприятность. Один из грузовиков особого зенитного дивизиона 183-й стрелковой дивизии ехал слишком близко к краю моста, мост рухнул, а грузовик с зенитным орудием упал в реку и затонул.

На другом берегу меня встретил ст. лейтенант Бабаев, помощник начальника штаба, и передал приказ командира корпуса Петропавловского разместить командный пункт в полутора километрах к востоку от Заостровья с задачей предотвратить переправу немцев в Парфино. К 23.00

боевые порядки были развернуты и предприняты необходимые меры на всех важных точках.

24 августа 1941 года

Ночь провел на наблюдательном пункте в одной из избышек. Как же сильно я соскучился по домашней обстановке за время боев. А тут на столе самовар с горячим чаем. С нами хозяин и его дочка, готовые в любую секунду выбежать из избы, вздрагивающей от тяжелых разрывов.

Утро свежее и прохладное. В 10.00 мы с Пурандом начали пристрелку, продолжавшуюся до 12.00. Около церкви заметны передвижения немцев. В 19.00 направил трех бойцов на рекогносцировку на противоположный берег, и они сумели добраться до него. Когда они вышли туда, завязался бой. Семеро немецких солдат пытались окружить их. Красноармейцу Бардину удалось убить двоих, красноармеец ... ранил еще одного. Остальные немцы стали забрасывать их гранатами, и лишь небольшие окопчики спасли разведчикам жизнь.

В 21.00 они возвратились. Я получил приказ передать одно из орудий на временную огневую позицию для ночного обстрела. Поехал на участок северо-западнее Заостровья, чтобы провести все приготовления в Ясной Поляне и Филиппово. С 23.00 до 01.00 ночи это орудие вело обстрел, имитируя целую батарею. Было израсходовано 32 снаряда.

25 августа 1941 года

Остаток ночи прошел спокойно. Сейчас открою огонь по маленькой избышке. Кажется, там происходит что-то подозрительное. Она стоит чуть поодаль от церкви в Парфино. В 10.00 разведдозор передал мне сумку с документами, найденную во время перехода. Она принадлежала начальнику отдела снабжения 183-й стрелковой дивизии. Все документы, кроме обнаруженной писчей бумаги, отправляю в 180-ю стрелковую дивизию.

С 12.00 до 13.00 провел пристрелку, используя 114-мм гаубицу. Остаток дня прошел спокойно. Вечером в 22.00 ко мне на огневую позицию прибыл командир противотанковой батареи и доложил, что противник в составе около 400 человек форсировал реку к северу от нас, в том месте, где Ловать сливается с Полой. Слева от нас отступает 34-я армия, форсировавшая реку в 30-40 км к югу от Парфино. Нам доставили немного боеприпасов, так что у нас теперь есть 762 снаряда, из них 529 снарядов калибра 76-мм, 93 шрапнельных и 89 144-мм снарядов.

В 23.00 из дивизии прибыл зам. комиссара Дерьмин (?), ранее бывший комиссаром в 629-м гаубичном полку. Хороший, приятный человек, взаимодействовать с ним будет куда спокойнее и увереннее.

26 августа 1941 года

Утро туманное, видимости никакой. Противник ничем себя не выдает. Царит весьма подозрительная тишина. Ночью были слышны передвижения в направлении юго-запада и пилка древесины на западном берегу Ловати. В 4 утра прибыл командир 42-го стрелкового полка, который получил подкрепление и располагается в лесу недалеко от меня. Вероятно, сегодня он примет на себя оборону береговой линии, поскольку сейчас на протяжении 3 км берег обороняют всего 160 человек...

Напечатано в 410-м топографическом отделе корпуса¹²

¹² Входил в состав 10-го армейского корпуса Вермахта.

200426

Ia - KTB 24942

Übersetzung des Tagebuches

eines russischen Offiziers oder Kommissars im Art.-
Rgt. 627 der 180. Schtz. Div., gefunden bei Parfino am Lowat.

1195a

26. Juni 1941

Um ungefähr 6,16 Uhr wurde der erste Transport von der Station Kiltai in Richtung Südost abgeschickt. Mit dem ersten Transport sind abgefahren: Die I. Abteilung, der Volkskommissar des Transportes, der Kdr. der I. Abteilung Major Kiwiljali, Kommissar-Pol-Leiter Senkow, (Instrukteur für Propaganda). Der übrige Teil, die II. und III. Abteilung und der Stab verblieben in Kl. Marien, um den 2. Transport abzuwarten. Letzterer sollte erst am 29. Juni abgehen. Am 27.6.41 verging der ganze Tag in Vorbereitungen zur Abfahrt. Um 12,00 Uhr wurde ich zum Stab der 180. Div. in Taps gerufen. Uns wurde die Kriegsstärke der Truppe mitgeteilt, und die ganze Nacht mussten wir uns, nach Verzeichnissen, mit der Verteilung der Truppe beschäftigen.

29. Juni 1941

Um ungefähr 19,00 Uhr verließ der letzte Wagen mit dem Besitz und den Frauen der Kommandeure des Stabes die Station Kiltai. Es gelang, im Passagierzug nur die Frauen von Jurko, Tschjurjumow, Senkow und Markow unterzubringen. Die Übrigen mussten die Nacht durch auf dem Bahnsteig warten. Der 2. Transport wurde während der ganzen Nacht vom 29.-30. Juni verladen. Es wurden verladen: 12 000 Art. Geschosse, 8 mot. Geschütze, 400 Mann und ungefähr 300 Pferde. Am 30.6.41 um etwa 12,00 Uhr verließ der Transport Nr. 35/3280 die Station Kiltai. Es wurden noch 2 zurückgebliebene Frauen mitgenommen. Nach dem Auslaufen des Transportes wurde ein Deserteur festgenommen - Kav. Instrukteur Pan. In der Nacht vom 30.6. zum 1.7. desertierten noch 9 Mann. Der Unterleutnant Rödigers, Vet. Feldw. Sarastik, Untersergeant Warang, Gefr. Mikiwer, Gefr. Ottokar und die Rotarmisten Fall, Siim, Wiks, Gefr. Kau-pmees. Auf Sarastik und noch einige Andere wurde während des Abspringens vom fahrenden Zuge das Feuer eröffnet. Es ist anzunehmen, dass dabei 2 von den Deserteuren erschossen wurden. Um etwa 14,00 Uhr traf der Transport in Gatschina ein. Das Wetter ist den ganzen Tag über kühl, es regnet. Irgendetwas Besonderes ist nicht passiert. Bis Gatschina war das ganze Futter zu Ende, und es musste für die Pferde auf den einzelnen Stationen Gras gezupft werden. In Gatschina bekamen wir den Hafer. Wir stehen schon die dritte Stunde auf der Station und warten auf unsere Weiterleitung. Wir standen ungefähr acht Stunden in Gatschina. Geraume Zeit standen wir auf der Station Pawlowak; Nowgorod berührten wir nicht. Um 14,00 Uhr am 2.7.41 verließen wir erst Pawlowak in Richtung Staraja Rusza. Am 2.7. saßen wir den ganzen Tag über ohne Wasser und ohne warmes Essen und bekamen erst in Dno ungefähr um 19,00 Uhr warmes Essen. (Die Marschroute wurde in Richtung Porchow umgeändert).

3. Juli 1941

Um 20,00 Uhr. Es wurde uns ein Dokument übergeben auf einen Güterwagen mit T - Mimen nach Ordschemikidegrad lautend; um 24,00 Uhr wurde verladen. Am 3.7. um 11,00 Uhr traf der Transport Nr. 35/3280 in Porchow ein, um 12,00 Uhr wurde mit dem Entladen begonnen, um 13,30 Uhr war die Entladung beendet und um 14,00 Uhr wurde die II. Abteilung zum

000427

- 2 -

Schwerpunkt der Front im Marsch gesetzt - Wald, 800 m südl. vom Brosowo. Die Stellung wurde 3,30 Uhr erreicht und besetzt.

4. Juli 1941

D. Brosowo

Es ist ein klarer Morgen. Alles grünt; noch lange vor Sonnenaufgang beginnen die Waldvögel mit ihren fröhlichen Liedern. Der Standort ist nicht schlecht, nur die vielen Mücken können einen mit ihrem ewigen Gesumm aus der Ruhe bringen. Um 10 Uhr gab ich dem Chef des Stabes der II. Abteilung, Kapitän Kalaste, Hinweise für die Aufstellung der Batterien, die Organisation der Wache, die Tarnung und den Dienst der Truppe. Um 11,30 Uhr besprach ich mit den Stabsoffizieren die Rede des Genossen Stalina an das ganze Volk über die Verteidigung des Vaterlandes und darauf unsere Pflichten und Aufgaben während des Kampfes. Zur Zeit wird die normale Ausbildung verzögert durch das Fernbleiben der I. Abteilung und der Reste der III. Abteilung. Auch der Stab ist uneinig. Man muss sich vorbereiten, um ihn für die bevorstehenden Kämpfe zusammenzuschließen. Um 14 Uhr fuhr der Kriegskommissar nach Porchow zur Division (30 km). Die Lkw's fahren Verpflegung und Futter heran. Ich gab den Befehl, dass jede Batterie 2 Rollen Stachelndraht mitnimmt.

5. Juli 1941

Um 9,30 Uhr ist der Kommandeur der Div.-Artillerie angekommen.

6. Juli 1941

Das Regiment setzte sich mit der II. Abteilung in Marsch, um die Gefechtsstellungen im Abschnitt Kanjanka, Kisilewo (ungefähr 22 km von Brosowo) einzunehmen. Die Wege sind schlecht, - schmal und höckrig. Unterwegs wurde der Stabswagen durch Auffahren auf einen Stein beschädigt (Auspuffrohr). Irgendwie wurde der abgebrochene Teil mit einem Draht befestigt. Der Wagen wurde in Gang gebracht. Mit lauten Getöse fing der Motor an zu arbeiten, scharfer Qualm frisst die Augen. Plötzlich fängt der Motor an zu brennen. Es entstand die Gefahr einer Explosion. Mit Gras wurde das Feuer irgendwie gelöscht, bevor es das Innere des Motors erreichen konnte. Wir waren genötigt, den Wagen stehen zu lassen und fuhren zuerst auf Fahrrädern weiter, dann mit Pferden. In Katenka und umliegenden Ortschaften waren die Mitglieder der kommunistischen Partei zur Verteidigung organisiert. Die III. Abteilung, ohne mot. Teile, hatte sich irgendwie eingegraben. Die jungen Soldaten mussten über die Tarnung belehrt werden. Vom 7. zum 8. Juli begann der erste Kampf bei Machnowotschka, wo der Feind ungefähr 25 Kampfwagen und Kradschützen konzentriert hatte. Unsere Kompanien, "rückten aus", wenn man so sagen darf, und überliessen die Entscheidung des Kampfes der 6. Batterie. Infolgedessen musste sich die Batterie unter dem tadellosen Feuer des Gegners unter Verlust von 2 Geschützen und eines grossen Teiles der Mannschaft zurückziehen. Der Feind brach in der Richtung auf Sorokino durch. Am 9. Juli, ungefähr um 24 Uhr, wurde ein deutscher Obergefreiter gefangen genommen, der natürlich tadellos zu essen bekam und dann zum Div.-Stab abtransportiert wurde. Am 10. Juli wurde ich auf Befehl des Kdrs. der 180. Schtz.-Div. mit einer zusammengewürfelten Gruppe von 120 Mann, bestehend aus Infanteristen und Artilleristen, abgesandt, um Dubrowka einzunehmen und zugleich den Feind von der rechten Flanke des 86. Schtz.-Regts. abzulenken.

Befehl an den Kommandeur der 1. Batterie des 627. Art.-Regts. 21.7.41.

- 1.) Die 1. Batterie wird der verstärkten Div.-Vorausabteilung zugeteilt, verstärkt durch eine Komp. des 42. Schtz.-Rgt., der 2 s.M.G.'s. zur Verfügung stehen, ein Pak-Geschütz. Sie erhalten den Auftrag, die Enge zwischen den Sümpfen westl. und südwestl. Woltschje zu nehmen u. zu halten. Gleichzeitig haben sie die Aufgabe, das Vorstossen der 21. und 86. Schtz.-Rgter. zu decken.

000428

- 3 -

- 2.) Die Batterie hat sich am 21.7.41 um 21,00 Uhr nach folgender Route in Marsch zusetzen: Stanki, Gornaja, Krutzez, Helki, Prudzy, Dubowez, Berestschtsche, Woltschje. Der Bestimmungsort (Woltschje) ist bis zum 22.7.41 - 5 Uhr - zu erreichen. Die Einheit hat sich beim Kdr. der Inf.Komp. - Kapitän Elwistu - zu melden. Die Einheit konzentriert sich im Walde 3 km nordöstl. Woltschje. Die Marschroute ist beige-fügt.
- 3.) Verpflegt wird die Einheit vom 627.Art.Rgt. und 42.Schtz.Rgt..

gez. Stabschef
Unterschrift , Oberleutnant.

Um 15 Uhr näherten wir uns dem Dorf Santurowo. Wir entwickelten uns zur Kampfordnung und besetzten kampflos das Dorf, beim Verlassen von Santurowo bekamen wir M.G.-Feuer. Wir entwickelten uns unter Flankenschutz nach beiden Seiten und erreichten so die Höhen nördl. von Machnowka. Wir befreiten uns unter feindl. M.G.-Feuer 3 Rotarmisten des 86.Schtz.Rgt., die bis an den Hüls im Morast steckten. Kaum hatten wir die Höhen erreicht, begannen um uns die Kugeln (Bumm-Bumm) zu pfeifen. Art.- und Minenwerferfeuer deckte die Höhe ein. Trotzdem konnten wir unter dem rasenden Feuer des Feindes die Verteidigungsstellung einnehmen. Ich postierte mich zwischen 2 Steine, die meine Lebensretter wurden. Die ganze Luft war vom Pfeifen der Kugeln und Heulen der Geschosse erfüllt. Da, beim Dorf (Machnowka) macht sich Bewegung bemerkbar. Der Feind kommt in Sprüngen näher. Ich ziele sorgfältig und sende "blaue Bohnen" dem Deutschen entgegen, der sofort Deckung sucht. Unsere Art. fing unter Führung des Art.-Kdrs. der 180.Div., Major Doltschich, an zu reden, welche, sei sie bedankt, 9 Geschosse auf unsere eigenen Kämpfer abschoss. (Die Schuld daran trägt "die tadellose Führung" der Batterie durch den Kommissar Tschurjumow, welcher uns für den Feind gehalten hat). Der Eisenregen hörte nicht auf. An meinem Stein prallten ununterbrochen M.G.-Kugeln ab. Die Sprenggranaten bildeten eine mächtiges Feuerwerk. Die linke Flanke des 4. Zuges deren Kdr., ein Este, Klivimär, hielt nicht stand und flüchtete in ein Roggenfeld. Der Feind hatte uns von der rechten Flanke halb umfasst und versuchte, uns in Richtung der Sümpfe und des Sees abzudrücken. Es bestand die Gefahr der Einkreisung. Ich befahl den M.G.-Schützen des 1. und 3. Zuges, das Feuer zu eröffnen und den anderen sich zurückzuziehen. Es kamen Pälle vor, wo Soldaten und auch Kommandeure fliehen wollten. Das wurde mit der Waffe in der Hand verhindert. So gelang es uns, uns unter dem Schutze des M.G.-Feuers aus dem Kampfe zu ziehen, obwohl uns der Feind ununterbrochen mit Minenwerferbeschoss. In dieser Schlacht desertierten von 120 Mann 32, fast alle Esten; verwundet wurden 8 Mann, u.a. der Kdr. des ersten Zuges der Minenwerferkomp. des 42.Schtz.Rgt., Michailow, der stellv. Polit.Leiter Tilk. Für die gute Führung während des Kampfes und des Rückzuges wurde mir ein Dank von der Truppe ausgesprochen, wie ich ihn vorher nie erlebt habe. Selbst ein Oberlt., den ich während des Art.Beschusses halb wahn Sinnig vor Angst mit einem idiotischen Lächeln auf dem Gesicht antraf, sagte zu mir: "Ein junger, aber guter Kopf!" So endete das Gefecht bei Machnowka.

Die Nacht verging ohne besondere Vorkommnisse, doch musste auf Befehl des Kriegskommissars Tschurjumow alles in Bereitschaft bleiben (als ob ein Angriff auf den Gefechtsstand Katenki erwartet wurde). Am 11. 7. wurde der ganze Tag zur Beschaffung von Lebensmitteln benutzt. Der 12. und 13.7. vergingen in Bewegung ohne besondere Vorkommnisse. Vom 14. bis zum 17. standen wir beim Dorf Kiselewo, vom 17. bis 18.7. stießen wir aus Sagorje nach Saklinje vor, um gegen den Deutschen, der sich bei Porchow konzentriert hatte, ein Schlag in die Flanke zu führen. Am 18.7. um 17 Uhr stieß eine Vorausabtlg. des 42.Schtz.Rgts. beim Dorf Lutowo mit dem Feinde zusammen. Die Stabsbatterie hatte Stellung im Walde bei Rakowo besogen. Kämpfend arbeiteten wir uns bis hinter Lutowo vor. Ein Batl. des 42.Schtz.Rgts. besetzte den ostw. Rand des Waldes, welcher sich westl. Lutowo befindet, und steht im M.G.-Kampf mit dem Feinde. Der Tag ist heiss und klar. Der Feind hat viele

000426

- 4 -

Art.-Beobachtungsflugzeuge eingesetzt. Die II.Abtlg. ist in Kampfstellung gegangen. Die 5.Battr. in der Verteidigungsstellung hat keinen Kompass, und so musste ich das Feuer ohne Kompass leiten. Ich musste mich an markante Punkte halten. Die Verbindung mit der Infanterie ist nicht herzustellen. Der Kdr. des Batl. hat keinen Gefechtsstand (springt von einem Ort zum andern). Um die Infanterie durch das Art.-Feuer zu unterstützen, musste ich die 5.Battr. in den Kampf eingreifen lassen. Im Trapp wird die neue Verteidigungsstellung bezogen. Wir eröffneten ein wahnsinniges Feuer, mussten es aber in Kürze unterbrechen, da ein feindl. Flieger unsere Stellung ausgemacht hatte und die Battr. unter starkes Feuer genommen wurde. Die Mannschaften wollten aus den Stellungen fliehen. Mit der Waffe in der Hand hielt ich sie zurück. Ich überzeugte sie von der Nutzlosigkeit der Flucht und zwang sie, eine Ausweichstellung zu beziehen. Es war eine reine Hölle. Geschosse und Minen platzten in unserer Nähe und bespritzten uns mit Erde und Splittern, besonders starke moralische Wirkung hatten die Brisanzgranaten. Im Galopp machten wir Stellungswechsel in ein Gebüsch. Wir mussten in Angriffstellung übergehen, bekamen aber keine Verbindung mit der Infanterie. Kaum hatte ich selbst die Stellung ausgemacht, begann der Feind erneut unsere Battr. zu beschliessen. Auch der Weg für den Rückzug lag unter Feuer. Was soll ich machen? Ich beschloss, die Battr. zu retten und aus dem Feuer zu ziehen. Ich befahl dem M.G.-Schützen, sich nach der Verteidigungsstellung zu begeben und die Battr. zurückzuziehen. Ich selbst blieb in der Angriffstellung. Der Feind verstärkt das Feuer. Die Infanterie des 42.Schtz.Rgts. erzitterte, geriet ins Wanken und löste sich zum Schluss in regelrechte Blucht auf. Der Feind schmet mit Minenwerfern und sät Tod und Verwundeten. Zum Abend gelang es, irgendwie die zerstreuten Bataillone zu sammeln und die Verteidigung des Dorfes Lutowo zu organisieren. Der Feind gab uns durch sein Feuer keine Gelegenheit, den Gefechtsstand auszuwählen, es wurden 2 Geschütze der 2.Battr. vernichtet. Außerdem hatte der Tross der Stabsartillerie Verluste, wahrscheinlich ist der Hauptm. Rajalo gefallen. Wir fanden sein Pferd mit einem durchschossenen und blutigen Sattel. Viele von uns fehlten an diesem Tage. In der Nacht bekamen wir den Befehl, uns sofort zurückzuziehen und eine neue Stellung beim Dorf Dedowitschi zu beziehen. Am 18.7. begannen wir den Rückzug. Am 18.7. um 12 Uhr nachts erreichten wir Dedowitschi und konzentrierten dort unsere Kräfte. Wir konnten uns dort aber nur den Tag und die Nacht halten. Am 20.7. um 4 Uhr morgens zogen wir weiter nach Jaski, Pustoschka. Jaski, wo wir uns ausruhten und wuschen, erreichten wir um 16 Uhr. Am 21.7. um 9 Uhr setzten wir uns in Richtung Pustoschka in Marsch. Den ganzen Weg wurden wir von dtsh. Fliegern begleitet. Unsern Kampfwagen gelang es, 2 dieser "Täubchen" abzuschiessen. Unterwegs wurde unsere Route geändert. Anstatt nach Pustoschka nach Pukowo, wo wir, wie ich hörte, umformiert werden sollten und die 180.Schtz.Div. in Ruhestellung gehen soll und aufgefüllt wird. Das waren aber nur "Fieberträume eines Wahnsinnigen". Obwohl unser Bestand auf 50% zusammengeschnitten war, wurde uns der Befehl gegeben, unseren Marsch fortzusetzen und dem 21.Schtz.Rgt., welches in Richtung Weretje, Perniza, Bolotowo, Krapiwno und Sepolje vormarschiert, zur Hilfe zu eilen.

31. Juli 1941

(Turchnowa)

Der Tag ist klar und hell. Besondere Vorkommnisse: Keine. Die erste Battr. ist aus Woltschja zurückgekehrt; sie wurde durch den Polit.-Leiter Koslow zurück gebracht. Der Kdr. der Battr., Noortschuk, und der Kdr. des Zuges Maidre sind übergelaufen; übergelaufen sind noch etwa 15 Rotarmisten. Um 13 Uhr begann der Feind mit weittragender Art. zu schiessen. Es wurde der Wald 1,5 km nordwestl. Turchnowa unter Beschuss genommen. Der Kdr. und der Kriegskommissar befahlen die Stellung zu wechseln. Wir sollten neue Stellungen im Abschnitt Jewachnowo beziehen. Kaum hatten sich die Abtlg. in Kolonnen formiert, da kamen die dtsh. Flieger, 10 Stück, und fielen über uns wie die Raubvögel her. Am Anfang war kaum zu verstehen, was in dieser

200430

- 5 -

Hölle von Feuer, Rauch und Metall geschah; erst als die Faschistenräuber fort waren, eröffnete sich unseren Blicken ein furchtbares Bild. 12 Pferde wälzten sich in ihrem Blut, das Röcheln und Stöhnen der Verwundeten und Sterbenden war furchtbar anzuhören. Der Rest der Truppen lief nach allen Seiten auseinander. Erst mit einiger Anstrengung gelang es, sie wieder zu sammeln, um den Verwundeten Hilfe zu leisten und die Toten zu begraben. Wir hatten 9 Tote und 12 Verwundete. Unter Letzteren waren, der Kdr. einer Battr., Kieben, und ein Kdr. eines Zuges, Sachnow. Die Verwundeten wurden auf Wagen gebettet und in das Lazarett der Div. befördert. Wir bekamen den Befehl vom Art.-Kdr. der Division, Stellung im Abschnitt Petruchnowo zu beziehen. Doch gelang es uns nicht, diese Stellung zu erreichen. Die Route wurde wieder geändert, und wir sollten uns südöstlich von Gross-Orechowa konzentrieren. Um 24 Uhr bezog das Regt. Kampfstellung. Totmüde bezogen wir in einer Schule Quartier, ungefähr um 2 Uhr begann der Feind unsere Stellung mit Minenwerfern zu belegen, doch unterbrach er nach 30 Minuten das Feuer und wir hatten darum eine ruhige Nacht.

1. August 1941

(Gr.Orechowa)

Am heutigen Morgen zeigte der Feind keine Kampfaktivität. Mit der Division ist die Verbindung wieder hergestellt. Wir haben Grabenstellungen bei der Schule bezogen. Das Wetter ist tadellos, die Sonne wärmt, und man will garnicht daran glauben, dass Krieg ist. Erst wenn man an den gestrigen Vorfall denkt und sich die furchtbaren Bilder der verstümmelten Leichen und der Blutströme vor Augen führt, begreift man, wie furchtbar der Krieg ist. Um 9 Uhr zeigte sich wieder das erste dtsoh. Aufklärungsflugzeug. Endlich haben wir wieder Verbindung mit unserem Tross. Um 11 Uhr fuhren der Kdr. und der Kriegskommissar zur Div. Um 18 Uhr eröffnete der Feind das Feuer mit Minenwerfern, durch das die II. Abt. folgende Verluste erlitt: 2 Tote und 2 Verwundete. Zum 2. Male wurde der Kdr. der 5. Battr., Kieben, verwundet. Ausserdem wurden 4 Pferde verwundet und 10 getötet. Unser Regiment wird bei der Div. sehr gelobt.

2. August 1941

(Gr.Orechowa)

Wir stehen auf dem alten Platz bei der Schule. Es ist Nacht. Es scheint, als sei alles in schwarzen Samt gehüllt. Diese Nacht erinnert an die Beschreibung von Gogol - vollkommene Stille herrscht überall, es ist nirgends das Flüstern verliebter Pärchen zu hören, vollkommene tote Stille. Wir legten uns in der Schule zur Ruhe. Es war 2 Uhr, als plötzlich eine starke Detonation die Wände des Hauses erschütterte. Fensterscheiben klirrten, die Stille dieser märchenhaften Nacht war gestört. Zuerst konnten wir, benommen durch den Schlaf, nicht verstehen, von wo geschossen wurde; doch dann erfuhren wir, dass der Feind die Battr. mit Fliegern angegriffen hatte. Der Angriff dauerte 30 Minuten. Dann war wieder Stille ringsum. Der Morgen war, wie gewöhnlich, klar und etwas kühl. Wir (die 180. Schtz. Div.) erwarten einen Transport zu unserer Auffüllung. Um 20 Uhr brachte der Kdr. des Regt's. einen Befehl der Div., nach dem wir wieder dem 86. Schtz. Rgt. zugeteilt wurden. Wir sollten unsere Kampfstellung ändern.

3. August 1941

Die ganze Nacht schlugen wir uns in den Büschen herum. Es war scheußlich. Um 9 Uhr wurde die Verbindung mit den Abteilungen aufgenommen. Die II. Abt. eröffnete das Feuer, die I. Abt. wurde um 11 Uhr auf Befehl des Art.-Kdrs. der 180. Schtz. Div. zu seiner Verfüng in den Abschnitt Nagowa verlegt. Der ganze Tag verging mit Eingraben. Ab und zu wurden unsere Stellungen von deutschen Bombern überflogen. Ein deutscher Aufklärer zog ununterbrochen wie ein Habicht seine Kreise über uns. Hin und wieder zischten Minen über unsere Köpfe und man hörte die Abschüsse unserer Artillerie. Gegen Abend verstärkte sich das Art.-Feuer. Man hatte das Gefühl, als ob die Decke des Unterstan-

000431

- 6 -

des über einem lebendig geworden wäre. Zwischen dem 21. und 86. Schtz.-Regt. entstand eine Lücke, die ungedeckt war. Die an die Stelle geworfene Kompanie des 86. Schtz.Regts. flüchtete, das 21. Schtz.Regt. begann zurückzugehen, ohne dem Feinde den geringsten Widerstand zu leisten. Die Lage ist ernst. Der Feind nähert sich der Verteidigungsstellung 2/23, zu welcher auch unsere Gruppe gehört. Die Versuche, die Flüchtigen anzuhalten, bleiben ohne Erfolg. Die Verteidigungsstellung ist verlassen. Um 22 Uhr wurde 2/23 befohlen, sich auf neue Verteidigungsstellungen zurückzuziehen. Der Feind hat Dubrowka genommen, und wir befinden uns wie in einem Keil.

4. August 1941

Der Tag begann mit einem gewöhnlichen Augustmorgen. Die Nachtverbrachten wir in einem neuen Unterstand, der noch nicht ganz fertiggestellt war. Pür's erste ist alles still. Dem 21. Schtz.Regt. ist befohlen, vorzustossen und den Feind zurückzudrängen. Ich weisse nicht, wie wir das machen sollen, da wir als Bewaffnung nur Gewehre haben. Das ganze Regt. hat kaum 2 M.G.'s., von Minenwerfern garnicht zu sprechen. Der Rest des Tages verging mit Einrichtungen des Gefechtsstandes und Art.-Vorbereitungen.

5. August 1941

Um 4 Uhr morgens erschien der Major mit dem Kriegskommissar. Es wurde der Befehl ausgegeben, den Stellungswechsel nach dem Sowjchos-Stal zu beschleunigen. Der Stab war bald versammelt. In unnötiger Eile unterbrach der Telephonist die Verbindung mit der II. Abt., und ich konnte sie trotz Bemühungen nicht wieder herstellen. Wir bekamen einen Plan der Verteidigungsstellung der Div., in dem auch der Gefechtsstand des Regts. eingezeichnet war. Dort sollte auch der Kdr. der II. Abt. erscheinen. Obgleich ich den ganzen Tag die Bemühungen nicht aufgab, konnte ich die Verbindung nicht wieder herstellen. Wir kamen so weit, dass der Gefechtsstand von allen Seiten von Deutschen umringt war; doch gelang es uns, ohne Verluste aus dem Ring zu entkommen. Ungefähr um 20 Uhr bekamen wir die Verbindung und eröffneten das Feuer aus 12 Geschützen auf Murawjewo. Auch das Wetter ist uns günstig. Leichter Nebel bedeckt die Niederungen. Der Rauch bedeckt den Boden. Ab und zu brennt ein Dorf wie eine Fackel. Eben sind wir bei Staraja Ruzsa und morgen werden wir den Übergang über den Fluss decken. Der Feind beschiesst unser Dorf. Beim Brunnen wurden 4 Soldaten einer fremden Einheit verwundet. Die Nacht verbrachten wir in Fedjetchino.

6. August 1941

Um 3,30 Uhr befahl der Div.-Kdr., dass die 180. Schtz.Div. zum Angriff übergehen solle. Sie sollte das Dorf Murawjewo nehmen. Wir sollten das 42. Schtz.Regt. unterstützen (wieder die alten Freunde). Um 8 Uhr bezogen wir Stellungen hinter Dubowne. Um 9 Uhr begann der Kampf. Der Feind eröffnete das Feuer mit Minenwerfern. Der Gefechtsstand verblieb auf seinem Platz bis zum letzten Augenblick, bis die ganze Infanterie weg war und die deutschen M.G.'s. ihn zu beschliessen angingen. Die Kugeln summten wie Bremsen um uns. Wir mussten auf Rettung bedacht sein und versuchten, unsere Truppen aus der Umzingelung herauszuschlagen. Unter dem Pfeifen der Kugeln und Heulen der Granaten musste der Gefechtsstand die Stellung verlassen. Der Feind war direkt bis unter unsere Nase vorgedrungen. Ich befahl dem Fahnenträger und den Verbindungsleuten sich zurückzuziehen. Ich selbst blieb mit einigen Männern bis zuletzt vorne. Um 10 Uhr zogen auch wir uns unter dem Hagel der Geschosse zurück. Wir hatten bis zum Dorf eine deckungslose Fläche von 100 m zurückzulegen. Der Feind schoss Sperrfeuer. Unser Rückzug ging durch Feuer und Rauch. Wir konnten nicht stehen bleiben. Wir mussten immer vorwärts eilen. Die Explosionen der Minen warien uns durch

200432

- 7 -

ihren Luftdruck auf die Erde und bewarfen uns mit Dreck; aber stehen bleiben konnten wir nicht. Ein dtisch. Kampfwagen erschien auf der Bildfläche und nahm uns unter direkten Beschuss. Da fällt ein Inf.Lt., noch einige sinken verwundet zusammen. Der Kampfwagen eröffnet Art.-Feuer. Die Geschosse schlagen um uns ein und werfen die Erde hoch in die Luft. Der Rauch frist in den Augen, im Mund hat man einen bitteren Geschmack. Da fällt ein Kommissar. Wir wollen ihn mitnehmen, aber es hat keinen Sinn, da er schon tot ist. Ihm ist eine Hand gebrochen und ein Fuss abgerissen. Unter starkem Beschuss wird der Lowat überschritten. Hinter St.Rusza bezogen wir wieder Stellungen. Ich mußte wieder nach der Karte das Feuer leiten. In der Nacht machten wir wieder Stellungenwechsel. Wir bekamen einen Auftrag vom Art.Kdr. des Korps (Petro-pawlowski). Der Gefechtsstand wurde in Lipowitz bezogen. Wir bezogen Quartier in einem Häuschen. Es war so angenehm, wenigstens 3 Stunden zu schlafen.

7. August 1941

(Gef.Std.Mednikowa)

Am Morgen hatten wir viel Ärger wegen der Unbeholfenheit der Abt.Kdre., infolgeder die Verbindung zwischen den einzelnen Einheiten nicht herzustellen war. Wir frühstückten und gingen in den Unterstand auf dem Gefechtsstand. Um 11 Uhr wurde das Dorf durch einen Angriff von 30 dtisch. Bombern in Schutt und Asche gelegt. Die Flugzeuge haben ungefähr 100 Bomben geworfen. Wir konnten uns rechtzeitig in den Unterstand retten, der sich mit belzendem Rauch füllte. Rundherum brennt alles. Durch den Bombenangriff wurden 4 Mann verwundet und kam 1 ums Leben. Außerdem wurden 4 Pferde der Stabsbattr. verwundet. Um 13 Uhr wurde der Gefechtsstand nach Mednikowa verlegt. Dort steht auch alles in Flammen. Wir unterstützen das 42.Schtz.Rgt., das den Übergang deckt. Ich fuhr wieder auf die Verteidigungsstellungen der I.Abt. heraus und leitete das Feuer. Verbindung gab es keine. Um 18 Uhr erst wird die Verbindung hergestellt.

8. August 1941

(Gef.Std.Mednikowa)

Die Nacht verlief unruhig. Der Kriegskommissar, eine Einkreisung befürchtend, hielt alles in Alarmbereitschaft. So sassen wir bis 4 Uhr morgens, dann beruhigten sich alle. Der Morgen grüsste einen, wie auch alle vorhergehenden, mit einem klaren Lächeln einer koketten Frau, die in der Liebe schlau und grausam ist. Wir alle unterstützen das 42.Schtz.Rgt., das den Übergang deckt. In St.Rusza toben Straßenkämpfe mit einer Gruppe eingedrungener Deutscher. Um 10 Uhr begannen die dtisch.Art. und die Minenwerfer den Platz zu beschießen. Um 13 Uhr nahm der Feind unseren Gefechtsstand unter starken Minenwerferbeschuß. Ich, Senkow, Kiwita warfen uns in den Graben und blieben dort liegen, bedeckt mit Erde und Dreck. Eine Mine traf direkt den Unterstand. Der Unterstand ist zerstört. Der sich dort befindene Polit.Leiter Scharkow blieb dort mit eingedrücktem Schädel liegen. Sein Vertreter, Soosaar, wurde verschüttet. Wir mußten ihn ausgraben. Er hatte Glück gehabt und blieb vollkommen unversehrt. Auf der Stelle, an der ich vor ein paar Minuten ausruhte, schlug eine Mine ein und der Lt.Metz wurde mit zertrümmerten Schädel 5 m weit geschleudert. Unsere Art. schießt ununterbrochen, uns fehlen aber vollkommen Minenwerfer. Die Toten wurden in einem Wagen zum Div.-Stab gefahren. Ihre Dokumente haben wir ihnen nicht abgenommen. So ist der Krieg, man hat keine Zeit, jemanden zu bedauern oder an den Tod zu denken. Jeden Augenblick kann dich dasselbe Schicksal erreichen. In Mednikowa lagen wir unter Beschuss bis 24 Uhr. Dann verlegten wir den Gefechtsstand.

9. August 1941

(Kusselgelände 1 km nördl. Medni-Kowa)

Nacht. Alles ist in eine dunkelgraue, undurchsichtige Farbe gehüllt, die nur ab und zu durch die platzenden Granaten und Minen erhellt wird, - dann sieht man das halb zerstörte Dorf Medwodkowa und die

200433

8

beinahe vollkommen verbrannte Stadt St. Rusza. In der Luft platzen die Brisanzgranaten; zu Hunderten kommen sie herangeflogen mit Zischen und mit Pfeifen. Von allen Seiten sieht man brennende Dörfer und die brennende Stadt St. Rusza. Schon ganz in unserer Nähe bellten die dtsch. M.G. und nur selten sind die unserigen zu hören. Die Kugeln schwirren um uns wie Wespen in ungeordneten Schwärmen. Die Inf. läuft. Um 24 Uhr verließen wir Mednikowa und flohen nördl. in die Büsche - näher zur Inf.. Die Nacht verging unter dem Donner der Geschütze. Die Leuchtpurgeschosse veranstalteten ein Feuerwerk wie auf einer Maskerade. Das Abendbrot konnte uns wegen starken Beschusses nicht zugestellt werden. Wir haben Kohldampf. 9 Uhr morgens - die schlaflose Nacht ist vergangen. Der Feind hat sein Feuer auf das Kusselgelände verlegt. Wie ein unbezwingbares Element zerschlägt und zerreisst es alles. Die Inf. konnte dieses höllische Feuer nicht aushalten und nahm Reissaus. Ich blieb allein mit dem Stab. Nachdem ich versucht hatte, die Menschen zu sammeln und die Pferde und Wagen herauszuführen, waren nur noch 2 Kraftfahrer unverwundet. Einen Weg gibt es hier nicht. Wir müssen uns durch das Kusselgelände und über die Felder schlagen. Ungefähr 20 Schwerverwundete liess ich auf Kraftwagen verladen. Übrigens ein grausiges Bild, das man im Kino nie sehen kann. Die Wagen fuhren durchs Gebüsch, ich ging 10 Schritte vor ihnen, um ihnen den Weg zu weisen. So gelang es mir, den Stab nicht zum ersten Male aus dem Todesstrudel zu retten. Wir kamen auf den Weg zum Dorf Anischina, wo wir zuerst dem Kriegskommissar und dann dem Kdr. des Rgts. begegneten. Allmählich sammelten sich auch die Anderen aus allen Himmelsrichtungen. Ich habe Schelifost zu der Verteidigungsstellung geschickt, damit er die Deckung unseres Rückzuges organisieren soll. Ich gab ihm den Auftrag, bei Munitionsmangel die Geschütze einzeln aus dem Gefecht zu ziehen und sie nach dem Dorfe Iwankowo nachzuführen. 13 Uhr. Ich fuhr heraus in die Verteidigungsstellung. Habe dort aber weder ein Geschütz der I. noch der II. Abt. angetroffen. Ich beschloß, mich nach Iwankowo durchzuschlagen, wo ich die Battr. am Waldrande in Stellung fand. Wir fangen wieder an zu feuern. Wir haben Munition nachbekommen. Nun haben wir 300 Granaten. Ich begegnete dem Chef der Korps-Art., Oberst Petrowpawlowski, - von dem ich einen Auftrag erhielt. Unser Gefechtestand wurde in das Dorf Iwankowo verlegt, wo wir mit dem Bau von Unterständen begannen. Aus dem Stabe des Art. Kdr. der Div. wurde uns der Befehl überbracht, 3 km südl. von Mednikowa Kampfstellungen zu beziehen, trotzdem dort schon dtsch. Truppen sein müssten. Was ist dabei? Ein Befehl muß ausgeführt werden. Ich gebe den Befehl zum sammeln. Ich selbst fahre mit einem Kraftwagen voraus, um zu erkunden. Bei der Eisenbahn traf ich den Div. Kdr., Oberst Misan, den Art. Kdr. der Div., Telenkow, den Chef des Stabes des Arko., Major Markow. Ich erklärte ihnen genau unsere Lage u. die mir gestellte Aufgabe, woraufhin ich den Befehl erhielt, in der alten Stellung zu bleiben und nach wie vor das 42. Schtz. Rgt. zu unterstützen. (Der Kdr. des Rgts. ist verwundet, ihn vertritt sein Gehilfe, Kapitän Romaschenko). Ich fand den Kdr. des 42. Schtz. Rgt., der dabei war, seine Leute zu sammeln. Bis jetzt hatte er erst 8 Mann beisammen. Nichts zu machen. Am Abend wurden wir von 12 dtsch. Bombern und Zerstörern mit Bomben belegt, die den Übergang bei Parfino zu stören versuchten. Die Nacht verlief ruhig. Die Wägen laufen in Herden im Hause herum, aber daraus machen wir uns nichts. Wir schlafen, wie schon seit Anfang des Krieges, immer angezogen.

10. August 1941

(Iwankowo)

Der Feind zeigt keine Aktivität, vielleicht weil es heute Sonntag ist. Dafür schießt unsere Art. aus allen Rohren. Es ist möglich, dass sich der Deutsche am Abend zu fühlen gibt. Um 10 Uhr begibt sich der Kdr. des Rgts., Major Jurkow, zum Kdr. des Schtz. Rgts.. Ich befinde mich im Haus. Es gelang mir, mich zu rasieren. Heute ist das Wetter gut. Nicht so wie gestern, wo es kalt war, windig und regnerisch. Um 14 Uhr begann der Feind wieder mit Art. zu schießen. Er nahm das Dorf Iwankowo unter Feuer. Wir flüchteten in die Unterstände. Bei der Brücke hört man scharfes M.G.-Feuer, daß sich ständig dem Befehlsstand nähert. Wir

000434

- 9 -

haben keine Verbindung mit dem Regts.-Kdr. und der Infanterie. Das Schiessen wird stärker. Ich bestimme die Posten des Gefechtsstandes und beschloss darauf, mich in den Unterstand zurückzuziehen und etwas auszuruhen. Ich war noch nicht richtig eingeschlafen, als der Kdr. des Regts. mit einer Ordonanz bei uns eintraf. Sie waren 15 km durch den Wald gegangen, auf der Flucht vor der Einkreisung durch die Deutschen. Der Feind war an einer Stelle zwischen dem 42. und 21. Schtz.Regt. durchgebrochen und versuchte, uns wie auch den Gefechtsstand des Stabes der 180. Schtz.Div. einzukreisen.

11. August 1941

Gleich nach Eintreffen des Majors sammelten wir unsere Truppen (um 3,30 Uhr), um eine neue Verteidigungsstellung im Abschnitt Jasnajapolana zu beziehen. Der Stellungswchsel vollzog sich ohne jegliche Verluste. Ich begab mich mit den Kdrn. der Abteilungen nach Jasnajapolana, um die Verteidigungsstellung auszusuchen. An Ort und Stelle erwies es sich, dass im Dorf nur 6 Geschütze aufgeföhren werden konnten. Die II. Abt. bekam vom Kdr. der Korps-Artillerie den Befehl, eine andere Stellung einzunehmen. Es erwies sich aber, dass es unmöglich war, dort Geschütze in Stellung zu bringen. Um 14 Uhr bekamen wir den Befehl zum Übergang über den Lowat bei Parfino und sollten daraufhin Kampfstellung im Dorfe Gonzi beziehen. Um 18 Uhr besetzten die Abteilungen ihre Abschnitte und die II. Abt. eröffnete das Feuer. Der Tag verging ruhig. Ungefähr um 22 Uhr ereignete sich ein Unglück bei der II. Abteilung. Während eines Abschusses der 6. Battr. krepierete eine Granate im Rohr. Infolgedessen wurde 1 Rotarmist der 5. Battr. getötet, 2 leicht und 1 schwer verwundet. Die übrige Zeit verlief ganz ruhig.

12. August 1941

Die Nacht verlief ruhig; es war kühl. Am Morgen war alles mit starkem Tau bedeckt. Als die Sonne aufging, glitzerte alles mit Brillanten besetzt, doch verdunstete die Feuchtigkeit rasch in den Strahlen der wärmenden Sonne. Der Feind entwickelte keine besondere Aktivität. Es scheint, als würde er sich ausruhen wollen. Unsere Abteilungen beschossen Bradschino und Sertscheewo. Um 18 Uhr wurden wir als Unterstützung dem 21. mot.Regt. zugeteilt. Letzteres soll zum Angriff übergehen. Den ganzen Abend hielt die Artillerie das andere Ufer des Flusses Redja unter Beschuss. Der Kdr. des 21. mot.Regts. forderte ununterbrochen Art.-Feuer an. Besonders in der Nacht demaskierte das Feuer unsere Verteidigungsstellung. Um 17 Uhr liessen wir die Badestube einheizen. Zum 1. Male seit Anfang dieses Krieges konnte ich mich richtig reinwaschen.

13. August 1941

(Muchino)

Die Nacht verging wie gestern. Der Morgen war wieder wunder schön klar. Der Tau blitzte wie die Tränen in den Augen einer schönen Frau. Der rote Schein der aufgehenden Sonne spiegelt sich in den Tautropfen. Alles ist so still und schön. Nur das Singen der Waldvögel ist zu hören. Doch das Pfeifen der Geschosse und das laute Krachen der Granaten stört diese harmonische Schönheit der Natur. Um 9 Uhr verstärkte der Feind das Minenwerferfeuer auf Muchino und auf den Wald, wo sich unser Gefechtsstand befand. Ich begab mich mit einem Spähtrupp ins Dorf Muchino, um zu erkunden, wie weit der Übergang über den Lowat fortgeschritten sei. Die Eisenbahnbrücke über den Fluss ist gesprengt. Als wir im Dorf eintrafen, fanden wir es leer und verlassen vor. Unsere Infanterie war nirgends zu sehen. Am Ostrand des Dorfes trafen wir einen Batl.-Kdr. des 21. mot.Regts. und den älteren polit. Leiter, die die Verbindung mit den einzelnen Truppenteilen herzustellen versuchten. Das Batl. war auseinander gelaufen. Ein Teil der Männer versuchte, schwimmend das andere Ufer des Lowat zu erreichen. Sie wurden aber durch das deutsche M.G.-Feuer abgeschossen und fielen den Fischen zum Fraß. Das 42. Schtz.Regt. floh in südl. Richtung längs des Flussufers.

200435

- 10 -

Das alles trug dazu bei, dass der Feind versuchte, das östl. Ufer des Flusses zu erreichen. Der Übergangsversuch scheiterte durch das gut gezielte Feuer unserer Artillerie. Nur unser Stab und unsere Abteilungen hielten stand. Die Infanterie floh in den Wald. Der Regts.-Kdr. begab sich um 8 Uhr zum Stab der Div. Auch der Kriegskommissar machte sich bald auf den Weg zur Division. In unserem Stabe verblieben nur ich und mein Gehilfe. Die Lage wurde kritisch. Einzelne M.G.-Schützen schlugen sich bis zum Dorf Muchino durch, und dort eröffneten sie gut getarnt ein scharfes Feuer auf den Wald und die Strassen. Es besteht keine Möglichkeit, den Übergang über den Bahndamm zu benutzen. Auch den Weg über Muchino können wir nicht benutzen. Um 12 Uhr kehrte der Wagen mit dem Kommissar von der Div. zurück. Kaum hatte er das Dorf Muchino erreicht, da wurde aus einer Dachluke M.G.-Feuer auf ihn eröffnet. Mehrere Kugeln trafen den Wagen und durchschlugen den Benzintank. Die Rotarmisten warfen ihre Gewehre weg und flüchteten. Der Kriegskommissar sprang aus dem Wagen und musste einen Weg von 1 km bis zum Walde kriechend zurücklegen. Trotz der Beschädigung des Wagens gelang es dem Fahrer, seinen Wagen zu retten. 2 Rotarmisten überbrachten mir auf dem Gefechtsstand im Laufschrift den Befehl, unsere Stellung aufzugeben und im Dorfe Lukino eine neue zu beziehen. Wie soll ich den Befehl ausführen? - Und die mot. Teile, die Menschen und Pferde auf einem Wege führen, wo nicht einmal eine Katze lebend durchlaufen könnte? Es scheint, dass uns der Rückzugsweg abgeschnitten ist. Das hatte ich schon vor 2 Tagen angenommen, als das Regt. den Befehl bekam, sich im Walde beim Dorfe Gonzi zu konzentrieren. Schon damals wurden Erkundungen unternommen, um einen Weg zum Übergang über die Pola zu schaffen. Wir haben einen Weg gefunden, - einen schmalen Waldweg, den wir zuerst ausbauen mussten, damit die Wagen durchfahren konnten. Den Weg benutzten wir nun für unseren Rückzug. Ungeachtet des starken Minenwerferfeuers gelang es uns, Lukino ohne jegliche Verluste zu erreichen. Gleich nach der Ankunft in Lukino bestimmte ich die einzelnen Kampfabschnitte für unsere Abteilung. Ich erwarte den Kdr. des Regts. Um 2 Uhr bekam ich vom Div.-Kdr. den Befehl, wieder unsere alten Stellungen in Muchino und Gonzi zu beziehen.

14. August 1941

(Wald 2 km westl. Muchino).

Nach 2 Stunden Ruhe setzten wir uns in Marsch, um unsere alten Stellungen zu beziehen. Wir hatten noch nicht einmal die Hälfte des Weges bis Parfino zurückgelegt, als wir vom Regts.-Kdr. wieder einen neuen Befehl bekamen. - Eine Abt. sollte in Lukino verbleiben und dem Chef der Div.-Artl. unterstellt bleiben. Die anderen Abteilungen sollten das 42. Schtz.Regt. unterstützen. Ich musste zurückfahren, um die II. Abteilung anzuhalten und den Befehl zu überbringen, in Lukino zu verbleiben. Ich hatte den Befehl noch nicht richtig übergeben, als ich schon wieder einen neuen vom Chef der Korps-Art. (Oberst Petropawlowski) erhielt. Die Abt. sollte nicht in Lukino verbleiben sondern ostw. vom Dorf Stellung beziehen. Ich musste den Chef der Div.-Art. aufsuchen, um die Lage zu klären und zu fragen, welchem Befehl ich Folge leisten sollte. Nach 3 stündigem Herumirren fand ich ihn im Walde 2 km ostw. Muchino, wo wir die Lage besprachen. Hier bekam ich dann endgültige Befehle von Major Markow. Die II. Abt. soll das 42. Schtz.Regt. an der linken Flanke unterstützen, die I. Abt. das 86. Schtz.Regt. Diese Regimente sind beinahe vollkommen aufgerieben. Da sie noch kaum 100 Mann zählten, bekam jedes Regt. 300 Mann zur Auffüllung. Das 21. mot.Regt. wurde auch bei der Flucht fast völlig aufgerieben. Eine grosse Anzahl autom. Waffen blieb im Fluss liegen. Um 14 Uhr fassten wir festen Fuss und bezogen unsere Verteidigungsstellung. Der Gefechtsstand wurde im Walde bezogen. Der Feind versucht, unsere Stellungen zu beschliessen, - jedoch ohne Erfolg, da er zu kurz schießt.

000436

15. August 1941

- 11 -

Um 1 Uhr beendeten wir den Bau der Unterstände. Der Unterstand gelang gut; mit einer Decke von 25 - 30 cm, sodaß wir vor 76 und 122 mm Geschossen vollkommen sicher waren. Gefährlich sind nur noch die 100 kg Bomben.

Um 2 Uhr fingen die M.G.'s. an, aus allen Rohren zu schiessen. Der Wald war erfüllt vom Krachen der Geschosse. Es war so dunkel, dass man nicht einmal die Hand vor Augen sah. Um 4 Uhr hörte das Schiessen wieder auf, und alles war wieder still. Am Morgen war der Himmel bewölkt. Man fühlt aber, dass der Herbst naht. Die Wälder und Felder werden gelb. Auch bei den Menschen hinterlässt der Herbst seine Wirkung. Sie werden stiller und nachdenklicher. Um 9 Uhr überflogen 3 unserer Bomber in 5 Meter Höhe den Wald. Um 11 Uhr begab ich mich ins Dorf, wo ich erfuhr, dass 50 Deutsche den Lowat überschritten hatten. Im Dorf verstreut, eröffneten sie das Feuer auf uns. Ich schickte einen Spähtrupp aus. Ich nahm 2 Zivilisten, 2 Gewehre und 20 Patronen ab. Im grossen und ganzen ist der heutige Tag nicht schlecht. Die Sonne scheint, und es ist warm. Der Deutsche beschiesst unser Dorf mit Artillerie. Es geht aber trotzdem alles gut. Schlimm ist nur, dass man von seinen Familien überhaupt nichts hört. Man weiss nicht, wie man ihnen Hilfe schicken soll, wie man ihnen schreiben könnte. Ich habe schon 4 Briefe geschrieben, aber noch keine Antwort erhalten. Wer weiss, wie die Arnen ohne jegliche Mittel leben? Im Walde traf ich eben 2 Frauen, eine jüngere mit einem Kind und eine ältere. Sie baten mich um ein Stück Brot. Sie waren schon einen ganzen Tag ohne Essen. Ich gab ihnen 1 Brot. Vielleicht müssen auch die Unseren irgendwo hungern!

16. August 1941

Um 0,30 Uhr teilte mir der Chef der Div.-Artillerie telefonisch mit, dass die II. Art.-Abtl. und der Stab sich um 2 Uhr bei Prizmorshe einzustellen haben, wo sie weitere Befehle erhalten werden. Die Eisenbahnlinie bei Muchino haben wir ohne Verluste überquert, aber kaum waren wir 1 km weitergefahren, wurde die nächtliche Stille durch M.G.-Feuer gestört. Um 8 Uhr erschienen im Abschnitt Prizmorshe feindl. Flugzeuge, die die Übergangsstelle bombardierten. Die 180. Schtz.Div. und die ganze Armee gehen auf Staraja Russa vor. Die Übergangsstelle haben wir glücklich mit sämtlichen Geschützen passiert. Wir besaßen nur 6 Geschütze, da die I. Abt. und die 114 mm Battr. des 629. le.Art.Regts. auf Befehl des Div.-Chefs dem Schtz.Regt. 86 zugeteilt wurden. Das Schtz.Regt. 86 wurde auf Lkw's. an einem anderen Abschnitt eingesetzt. Kaum hatten wir an der Chaussee die Wegekreuzung erreicht, als wir von der feindl. Luftwaffe dauernd mit Bomben belegt wurden. Ich konnte nur kurze Strecken im Wagen fahren, dann war der nächste Anflug, und ich musste wieder aus dem Wagen in Deckung. Die Pferde sind sehr mitgenommen und schwach, sodaß sie kaum die Geschütze ziehen können. Daher ist die Kolonne sehr auseinandergerissen, wofür ich schon einmal von dem Armee-Edr. beschimpft wurde. Die Infanterie marschiert in einem Durcheinander und geht feige voran. So zogen wir bis in die Dunkelheit, ohne unsere Infanterie zu sehen, (42.Schtz.Rgt.) und erst in Lipowitzy trafen wir den neuen Kdr. des 42. Schtz.Rgts. (Major Korowin). Auf dem Wege sahen wir öfters Gräber deutscher Soldaten, die mit Blumen geschmückt und durch Stahlhelme gekennzeichnet waren. Die ganze Nacht verlief ruhig. Ich ruhte in meinem Pkw.

17. August 1941

Es ist noch nicht hell, und schon bin ich wieder auf den Beinen. Ich beschloss, den Kdr. des 42. Schtz.Regts. aufzusuchen. Mit meinem Burschen machte ich mich auf den Weg nach Lipowitzy, überquerte ein Feld, aber nirgends war er. Um 6,30 Uhr erschienen 2 Bomber, einer warf eine Rakete über Lipowitzy, der andere über dem Walde ab. Auf dieses Zeichen kamen die Assjäger, die faschistischen Messerschmidt-Maschinen, an. Mit unangenehmen Heulen sausten die ersten Bomben auf uns nieder, dann fielen mehr und mehr. Eine Bombe traf ein Haus, von dem ich in 6 Meter Entfernung lag. Das Haus fing Feuer und brannte wie eine Packel. Um uns war eine Hölle, Donner und ein ununterbrochenes Heulen. Ein Kraftwagen des 23. Haub.Art.Regts. fing eben an zu brennen, gleich darauf ein zweiter, aus dem ein brennender Fahrer sprang.

000437

12

Alle laufen durcheinander, niemand ist da, der ihm helfen könnte. Ich reisse dem ersten vorbeiliegenden Soldaten den Mantel weg und werfe ihn auf den brennenden Fahrer. An die Gefahr der Bomben und Explosionen der Munition im brennenden Wagen denke ich nicht. Nur den Fahrer retten! - aber der Brennende läuft weiter. Ich ergreife ihn und werfe ihn in den Graben, bedecke ihn mit dem Mantel, durch den die Flammen durchschlagen. Das brennende Gesicht und die Hände bewerfe ich mit Erde. So rette ich das Leben des Fahrers.

Wir müssen aber weitergehen und den Kdr. des 42. Schtz. Rgts. auffinden. Wir gingen bis zum ostw. Vorort von St. Rusza, ohne jedoch irgendwelche Infanterie anzutreffen. Die Flugzeuge kamen in grossen Scharen, stieszen wie Habichte hernieder, streuten ihre "Geschenke" ab und beschossen uns noch mit M.G.'s. Die Wege sind aufgewühlt, an einem Trichter sehe ich eine autom. Pistole liegen, die ich natürlich nicht liegen lasse. Weiter liegt ein ausgebrannter Lkw., auf dem Wege ein verbrannter Soldat. Dieses Bild ist schrecklich und wirkt beängstigend, obgleich ich nicht zu den Feiglingen zähle. Ich kehre nach Lipowitzy zurück und treffe dort den Kdr. des 42. Schtz. Rgts. sowie meinen eigenen Kdr.. Wir gehen zu unserem Gefechtsstand im Kusselgelände. Meine Gehilfen sind nicht da, sie sind davongelaufen (Scheliton und Musyrja). Der Kriegskommissar ist auch weg. Es sind nur noch der Rgts.-Kommissar und wir beide da. Nun müste ich im Pkw. zum Stabe der Battr. fahren. Auf dem nächsten Wege kommt man nicht durch, da sich dort ein 10 m tiefer Trichter befindet. Auf Umwegen erreichte ich den Stab, organisiere eine Verbindung schicke Erkundung aus und mache mich auf den Weg zurück. Ungeachtet dessen, dass 2 Bomber abgeschossen wurden, stellten sich die frechen Bomber wieder ein. Es schien, als ob sie die ganze Gegend verschlingen wollten, indem sie 10 - 15 m tief herabstieszen und fast jeden einzelnen Busch beschossen. Ich fahre weiter und denke daran, wann ich an die Reihe komme "ins Jenseits" zu wandern. Aber meine Stunde hat noch nicht geschlagen. Von der II. Abt. waren 4 Pferde getötet und 7 verletzt. Der Abt. Kdr. Wasiljew wurde verletzt, und ich legte ihm einen Verband an und schickte ihn zum Sanitätsbatl.. Bis 21 Uhr haben die Flieger fast jeden einzelnen Mann verfolgt. Ich konnte deshalb mit meinem Pkw. nicht durchkommen und ging daher bis zum Stabe der Battr. zu Fuss. Ich war gezwungen, mich lange Strecken kriechend weiter zu bewegen unter Ausnutzung jedes Grabens. Am Abend als es dunkler wurde, sollten wir laut Befehl des Div. Kdrs. vorgehen und Pedytschin und B. Orehowo besetzen. Die Infanterie ging um 20 Uhr zum Flugplatz vor. Ich und Major Jurko blieben zurück, um die Gefechtsabteilungen in Marsch zu setzen. Wir warteten lange, aber es kamen weder die Gefechtsabteilungen noch der Kdr. des 42. Schtz. Rgts.. Um 2,30 Uhr beschloss ich, den Rgts. Kommissar des 42. Schtz. Rgts. aufzusuchen. Es war dunkel wie in einem Sack. Durch Kusselgelände und Roggenfelder schlug ich mich durch bis zum Dorf Polschaja Kasona. Dort schliefen alle wie erschlagen, einschl. des Kommissars des 42. Schtz. Rgts. sowie des Kdrs. der II. Art. Abt. Purana. Ich war gezwungen die Herren Kommandeure zu wecken und etwas Ordnung zu schaffen. Wir hatten keine Verbindung.

18. August 1941

(Polschaja Kasona)

Bis zum Hellwerden blieben nur ca 30 Minuten. Ich ging in den Schützengraben und schickte Spähtruppe und einen Verbindungsmann aus. Kaum näherte sich der Spähtrupp dem Flugplatz, als er Feuer aus den Hallen von St. Rusza erhielt und sofort zurückkehrte. Um 10 Uhr war die Verbindung hergestellt und wir eröffneten das Feuer auf Pedytschino. Jemand beschoss mich von hinten aus einer autom. Pistole. Ich zog mich in den Garten zurück. Um 13 Uhr traf der Major ein. Um 14 Uhr marschierte die Infanterie über den Fluss Porusja und schob sich bis zum Dorf Sekrypkowa vor. Um 15 Uhr bezogen wir auch den Gefechtsstand im Vorderteil des Dorfes Sekrypkowa. Starkes Feuer aus autom. Pistolen. Die Mörserwerfer und die Artillerie schienen von der Flachsrösterei und vom Friedhof aus zu schiessen. Die Infanteristen liefen wieder auseinander und im Rgts.-Verband blieben 26 Mann, von denen bei einem Versuch vor-

00043E

- 13 -

zustossen 4 Mann verwundet wurden. Dann wurde der Kdr. des 42. Schtz. Rgts. auch verwundet. Der Kriegskommissar des 42. Schtz. Rgts. blieb bis zum Eintritt der Dunkelheit und konnte erst dann den Feuersack verlassen. Die Nacht verbrachten wir schlaflos und ungeachtet dessen, dass wir den Befehl vom Div. Kdr. hatten vorzugehen, blieb der Befehl lediglich ein Befehl; denn mit 22 Mann, die nur mit Gewehren bewaffnet waren, konnten wir nicht gegen die Deutschen ankommen.

19. August in Sskrypkowa

Der Tag verlief ohne besondere Vorkommnisse. Die Infanterie war 300 m vorgedrungen und dabei blieb es dann. Von 10,00 bis 20 Uhr führten wir ein lebhaftes Feuer auf alle verdächtigen Punkte. Die Nacht verlief ebenfalls ohne Zwischenfälle. Nur eine angenehme Minute, die wie ein heller Sonnenstrahl in der Finsternis wirkte! Ich erblickte eine Frau, die Ärztin des 42. Schtz. Regt's., die mich an meine geliebte Frau - Anetotschka - erinnerte; das Leben leuchtete mir für eine kurze Zeit, und dann folgte wieder Finsternis. Während des Kampfes kann man die Gedanken nicht sammeln, auch hat man keine Zeit an anderes als an den Kampf zu denken; und im Kampfe stehe ich schon seit dem 7. Juli 1941.

20. August (Sskrypkowa)

Der Morgen ist unfreundlich. Wir unterstützten das Schtz. Regt. 42, das kaum 150 Mann gesammelt hat. Ein Vorgehen ist unmöglich, die Leute erreichen das Ostufer des Polisz und keinen Schritt weiter! Der Feind eröffnete ab 9 Uhr starkes Minenwerfer- und Artilleriefeuer auf unseren Abschnitt (Sskrypkowa). Uns retteten nur die Schützengräben und Unterstände. Eine Granate schlug in 5 Meter Entfernung im Schützengraben ein, und nur der Biegung verdanke ich mein Leben, da ich dadurch von den Splittern verschont blieb. Ich wurde nur mit Erde stark überschüttet. Andauernd werden wir von den "Kuckucks" (Baumschützen) (Ausdruck aus dem finnischen Feldzug) gestört, nur wissen wir nicht aus welcher Richtung. Eine grosse Aktivität zeigt die feindl. Luftwaffe, die geradezu gemein wird, weil sie sich völlig ausser Gefahr fühlt. So verlief auch dieser Tag wie ein finsterner Fleck. Die Munition ist bald verbraucht. Bei der II. Abt. sind für 6 Geschütze noch 18 Granaten und 30 Schrapnellis übriggeblieben. Die Regts.-Battr. des 42. Schtz. Regts. verschoss alle Munition und zog sich eigenmächtig nach hinten zurück, ohne dazu einen Befehl zu haben. Ich berichtete darüber einige Male dem Div.-Kdr. aber stets ohne Erfolg. Der Feind vor uns besitzt ca. 8 - 10 s.M.G., 4 Battr. schwere Minenwerfer, 1 schwere 10,7 cm Battr. und überall befinden sich "Kuckucks".

21. August (Sskrypkowa)

Kaum ist es hell geworden, und schon setzen die Bombenabwürfe und das Art.-Feuer wieder ein. Am Himmel stehen Wolken, aber die Flieger kreisen in Tiefflug. Um 10,00 Uhr wurde das Art.-Feuer stärker. Der Feind beschliesst unseren Gefechtsstand mit Minen und Granaten. Unsere Infanterie liegt fest und geht keinen Schritt vor. Unsere Artillerie, die I. und II. Abt., schießt nur einzeln und verschiesst die letzten Granaten. Um 14 Uhr gab sie ihre letzte Salve in Richtung auf den Friedhof ab, und nun schweigt sie in Erwartung neuer Munitionszufuhr. Der Feind dagegen hat das gesamte Feuer auf Sskrypkowa konzentriert. Es krepieren die Granaten und bedecken das ganze Gelände mit Splittern. Unser Unterstand zittert von den Explosionen. Eben krachte gegen die Seitenwand ein Geschoss und betäubte die darinnen Sitzenden. Aber im gleichen Augenblick schlug eine 2. Granate ein, die die Decke durchschlug und den Unterstand mit Splittern, Rauch, Erde und Schwefelgeruch erfüllte. Es trat eine Finsternis ein und, als es wieder etwas hell wurde, sah ich 2 Mann tot und 4 Mann verwundet am Boden liegen. Major Jurko, Kdr. des 627. 1e. Art. Rgts. war betäubt worden und wurde auf den Armen herausgetragen. Obltn. Prolow verband die Verletzten, aber eine nächste Granate warf auch ihn um, wobei er einen schweren

000436

- 14 -

Bauchschuss erhielt. Kurz darauf erhielt ich die Mitteilung, dass auch der Kdr. der III. Art. Abt. mit einem Bauchschuss darnieder liege. Es blieben unverletzt, der Stabschef, der Regt.-Kdr. und ich. Um 24 Uhr erhielt ich den Befehl, die Verteidigungslinie in den Abschnitt Brjhschna Gora zu verlegen. Am Morgen sammelten wir uns im neuen Abschnitt, den ganzen Tag war ich auf den Beinen, um Verbindung mit dem 42. Schtz. Rgt. aufzunehmen. Trotzdem ich schon seit dem frühen Morgen beim Batt. war, gelang es mir nicht, den Stab zu ermitteln. Im Laufe des Tages war ich völlig ausgepumpt. Der Feind schießt mit Minenwerfern. Die Gegend ist eben, und sie gestattet jede Bewegung zu beobachten. Um 9 Uhr erhielt ich einen Befehl vom Chef der Art. durch Oberstleutnant Kozlow (Vertreter des Kriegskommissärs), den Gefechtsstand am Morgen des 22.8. in den Wald 500 m westl. von Szytschowa zu verlegen.

22. August 1941

(500 m westl. von Szytschowa)

In Regen und Dunkelheit zogen wir 15 km dahin. Schlimm ist es, dass die Kommandeure besonders von der II. Abt. absolut kein Verantwortungsgefühl für Menschen und Material besitzen. Am Ziel angelangt stellte ich fest, dass 2 Geschütze der 6. Battr., 1 von der 5. Battr. und die Küche von der Stabs-Battr. nicht eingetroffen waren. Um 14,30 Uhr erhielt ich den Befehl, die Verteidigung aufzunehmen und das 42. Schtz. Rgt. am Redja zu unterstützen. Die Flugzeuge werfen den ganzen Tag über Bomben, trotzdem müssen wir die Gegend erkunden. Um 15 Uhr versammelte ich sämtliche Kdre. einschl. der Battr.-Chefs und gab ihnen die Lage bekannt. Ich machte Ihnen ihre Aufgabe klar und hielt eine Besprechung über die Arbeit, Abrechnung, das Umgehen mit Militärgut und die Verantwortung des Kdrs. ab. Um 18 Uhr fuhr ich mit dem Div.-Kdr. (Purand) und den Battr.-Chefs zum Abschnitt Jaswy. Unterwegs trafen wir Gruppen Verwundeter, die vom linken Flügel kamen. Ich begegnete dem Oberstltm., der mir mitteilte, dass die Deutschen den Fluss Redja überschritten hätten. Mit diesen Feindnachrichten traf ich bei der 180. Schtz. Div. ein. Ich berichtete über die Gesamtlage. Ich fragte dort, ob wir die Stellung in Jaswy besetzen sollten, denn bis jetzt wäre es von unseren Truppen nicht besetzt. Ich wurde auf den Befehl des Arkos der 180. Schtz. Div., Telenko, hingewiesen. Um 20,30 Uhr führte ich das Regt. nach Szytschowa. Schnaufend läuft mir der Kdr. der 202. Schtz. Div. entgegen. Er berichtet, dass das Battl. zerschlagen und er kaum davon gekommen sei, und dass sich in Szytschowa deutsche Panzertruppen befinden. Ich wollte dies nicht glauben und schickte einen berittenen Spähtrupp aus, der gleich zurückkehrte, ohne etwas Positives festgestellt zu haben, da er, ohne das Dorf erreicht zu haben, zurück geschickt wurde. Ich entschloss mich, selbst hinzufahren, und fuhr mit 4 Soldaten bis auf 500 Meter an das Dorf heran. Die Leute waren unwillig, sogar die Pferde schienen in der Dunkelheit eine Gefahr zu wittern. Ich liess die Pferde zurück, und wir versuchten uns dem Dorf zu nähern. Immer lauter und lauter hörte ich Sprechen und ein dumpfes Motorengeräusch. Dann sauste 1 Lkw. mit unseren Leuten und Brennstoff vorbei, den ich nicht anhalten konnte. Plötzlich krachten 2 Handgranaten, eine Feuergarbe ergoss sich auf den Weg und von allen Seiten sausten Kugeln. Niemand wird wohl lebend diesen Kraftwagen verlassen haben. Ich sandte einen Soldaten zurück mit dem Befehl, auf dem Wege 2 Geschütze aufzustellen, - ich selbst blieb zurück, um weiter zu beobachten. Rptm. Purand und Schneperev waren abgeschnitten, da der Weg nach Samorshe besetzt war. Als ich zum Div.-Gefechtsstand zurückkehrte, war die Div. nicht mehr da. Nun musste ich eine Verteidigung nach allen Seiten organisieren und stellte dazu die Geschütze an den Seiten des Dorfes auf. Mit der Division nahm ich Verbindung durch das 42. Schtz. Rgt. auf. Von dort erhielt ich den Befehl, um 23 Uhr das Rgt. nach Parfino zu führen, eine Battr. zur Unterstützung des 42. Schtz. Rgts. zurückzulassen und selbst in Szytschowa zu bleiben. Bald darauf wurde der Befehl geändert. Ich sollte mit 13 Geschützen in Bragino Feuerstellung beziehen. Ich machte mich auf den Weg und liess die 1. Battr. mit dem Politruk Schimitschew und dem Adjutanten Oblin.

Aksenow zurück. Ungeachtet der Fliegerangriffe trafen wir in Bragino ein und bezogen um 9 Uhr am 23.8. die Feuerstellung.

23. August 1941

Die Nacht verbrachte ich ohne Schlaf. Meine ganze Aufmerksamkeit war auf die Organisation der Verteidigung und die Erhaltung des Pferdebestandes gerichtet. Um 9 Uhr liessen wir uns im Walde nieder und brachten unsere Geschütze in Feuerstellung. Ich zeigte dem Rgts.-Kdr. Nachodno, wohin auch Verbindung aufgenommen wurde, und ging mit Purand dorthin, da die Kdre. dumm wie Holzklötze sind. Um 10,30 Uhr war alles feuerbereit. Um 11 Uhr meldete der Beobachter, der in einem Baume sass, dass unsere Infanterie aus dem Walde ostw. Nachodno lief, und nach einigen Minuten erschien von rechts eine Kolonne von etwa 150 Mann aus verschiedenen Regimentern. Ein M.G. schiesst kurze Feuerstösse. Die Telefonverbindung mit der Div. ist unterbrochen. Ich sende einen Spähtrupp nach Koslowa. Als die ganze Infanterie vorbei war, erschien der Tross. Dann kam der Verbindungsoffizier mit dem Beehl von Div.-Chef, sofort aufzubrechen und sich in Richtung Bragino, Ssergijewa - Parfino in Marsch zu setzen. Selbstständiges Handeln der Lege entsprechend. Auf allen Wegen standen Kolonnen in grösster Unordnung von verschiedenen Divisionen und konnten nicht weiter. Die Art. konnte nirgends durchfahren. Ich sandte, um einen neuen Weg durch den Wald zu erkunden. Wir fanden einen Weg und langten in Parfino früher als die Kolonnen an. Um 9 Uhr waren Purand und Schneperew eingetroffen, die in Jaswy durch den Feind von uns abgeschnitten waren. Um 16 Uhr sammelten wir uns am Übergang Parfino. Die Brücke war durch Bomber zerstört. Etwa 50 Pioniere arbeiteten an der Wiederherstellung der Brücke. Ich gab noch 40 Mann zur Unterstützung. Bis 20 Uhr wurde an der Brücke gearbeitet. Alle Wege und Wälder waren voll von Kolonnen und Artillerie. Aber dank unserer Jäger waren wir gegen Luftgefahr gesichert. Um 20,30 Uhr begann der Übergang. Ich schob den Pkw. des Stabes vor und anschliessend meine Artillerie. Um 22.00 Uhr hatten wir Pech. Ein Lkw. von der bes. Flak-Abt. der 183. Schtz.Div. fuhr zu nahe an eine Seite der Brücke heran, worauf diese einstürzte, und der Lkw. mit dem Flak-Geschütz in den Fluss fiel und versank. Hinter der Übergangsstelle traf mich Oberltm. Babajew, der Gehilfe des Stabschefs 2 und überbrachte mir den Befehl des Korpschefs Petro Pawlowki, den Gefechtsstand 1500 Meter ostwärts Saostrowja einzunehmen mit der Aufgabe, den Übergang des Feindes bei Parfino zu verhindern. Um 23 Uhr war die Gefechtsordnung hergestellt und an allen wichtigen Punkten Massnahmen getroffen.

24. August 1941

Die Nacht verbrachte ich auf dem Beobachtungsstand in einem Häuschen. Während der ganzen Gefechtszeit sehnte ich mich nach einer häuslicher Umgebung. Nun stand ein Teemaschine mit heissem Tee auf dem Tisch. Es waren der Wirt und seine Tochter da, die bereit waren, jeden Augenblick das Haus zu verlassen, das von den schweren Einschlägen erzitterte. Der Morgen ist frisch und kühl. Um 10 Uhr begannen ich und Purand mit dem Einschiessen, das um 12 Uhr beendet war. An der Kirche ist Bewegung der Deutschen zu erkennen. Um 19 Uhr sandte ich 3 Erkunder auf das gegenüberliegende Ufer, das sie auch erreichten. Als sie auf den Weg kamen, entspann sich ein Gefecht. Sieben dtisch. Soldaten versuchten sie zu umzingeln. Dem Rotarmisten Bardin gelang es, 2 zu töten, der Rotarmist ... verwundete einen. Die anderen warfen dann ihre Handgranaten, und nur die kleinen Gräben schützten die Erkunder. Um 21 Uhr kehrten sie zurück. Ich erhielt den Befehl, ein Geschütz in eine vorübergehende Feuerstellung zur Nachtbeschiessung zu stellen. Ich fuhr in den Abschnitt nordwestl. von Saostrowja, um in Jaanaja Poljana und Filipowo Vorbereitungen zu treffen. Von 23 - 1 Uhr des 25.8.41 feuerte dieses Geschütz und täuschte eine Battr. vor. Es wurden 32 Granaten verbraucht.

000441

- 16 -

25. August 1941

Der Rest der Nacht verlief ruhig. Gleich werde ich das Feuer auf das kleine Häuschen eröffnen. Dort scheint mir etwas Verdächtiges vorzugehen. Es ist in der Nähe der Kirche von Parfino. Um 10 Uhr überbrachte mir ein Spähtrupp eine Tasche mit Dokumenten, die er am Übergang gefunden hat. Sie gehörte dem Chef der Versorgungsabteilung der 183. Schtz. Div.. Die Dokumente, außer dem dabei befindlichen Schreibpapier, sende ich an die 180. Schtz. Div.. Von 12 - 13 Uhr habe ich mit einer 114 mm Haubitze ein Einschiessen durchgeführt. Der Rest des Tages verlief ruhig. Abends, um 22 Uhr, kam zu mir auf den Feuergefechtsstand der Kdr. der Panzerabwehrabteilung und berichtete, dass der Feind den Fluss nördl. von uns am Zusammenfluss des Lowat und der Pola in Stärke von etwa 400 Mann überschritten habe. Links zieht sich die 34. Armee zurück und hat den Fluss 30 - 40 km südl. Parfino überschritten. Es wurde etwas Munition herangebracht, sodass wir zur Zt. 762 Stück besitzen, davon 529 / 76 mm Granaten, 93 / Schrapnell u. 89 / 144 mm Granaten. Um 23 Uhr traf von der Div. der stellv. Kommissar Djermin ein, der früher Batl. Kommissar bei dem 629. Haub. Rgt. war. Dies ist ein guter und angenehmer Mensch, und die Zusammenarbeit wird ruhiger und selbstbewusster sein.

26. August 1941

Der Morgen ist neblig, keine Sicht vorhanden. Der Feind verrät sich durch nichts. Eben herrscht eine recht verdächtige Stille. Nachts habe ich Bewegungen nach Südwest sowie Holzsägen auf dem Westufer des Lowat vernommen. Um 4 Uhr kam der Kdr. des 42. Schtz. Rgts., der Ersatz erhalten hat und sich im Walde in meiner Nähe befindet. Wahrscheinlich wird er heute die Verteidigung am Ufer übernehmen, da auf eine Länge von 3 km nur 160 Mann das Ufer verteidigen.

Gedruckt: Korps-Kartensteile 4/0